

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 1 (19), 2019

Филология

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(*председатель*)
С. А. Сырбу, д-р хим. наук
(*зам. председателя*)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(*зам. председателя*)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук
Л. В. Михеева
(*ответственный секретарь*)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:

А. А. Григорян, д-р филол. наук
(*главный редактор серии*)
О. М. Карпова, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
О. А. Павловская, канд. филол. наук
А. А. Корников, д-р ист. наук
Д. И. Польшанский, д-р ист. наук
К. Е. Балдин, д-р ист. наук
В. М. Тюленев, д-р ист. наук
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 462
тел./факс: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2019

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

Issue 1 (19), 2019

Philology

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Registration certificate III № ФС77-60993 of March 5, 2015

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics
(Chairman)

S. A. Syrbu, Doctor of Chemistry
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

K. Ya. Averbukh, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy
(Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES «THE HUMANITIES»:

A. A. Grigoryan, Doctor of Philology
(Chief Editor of the Series)

O. M. Karpova, Doctor of Philology

A. N. Taganov, Doctor of Philology

O. A. Pavlovskaya, Candidate
of Philology

A. A. Kornikov, Doctor of History

D. I. Polyvyanny, Doctor of History

K. E. Baldin, Doctor of History

V. M. Tyulenev, Doctor of History

G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy

D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 462
tel./fax: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Киселева И. С.** Трансформации рассказчика и проблема экзистенциальной свободы в романе Макса Фриша «Назову себя Гантенбайн» 5
- Трофименко Т. М.** Человек науки во французской литературе конца XIX века (На материале романа Вилье де Лиль-Адана «Клер Ленуар») 9

Языкознание

- Григорьева Е. М.** Австралийская лексикография: истоки, становление, перспективы 13
- Григорян А. А., Григорян А. Ю.** Об одной разновидности коммуникативного подхода в преподавании английского языка 18
- Квашнина Д. С., Суворова Н. В.** Семантический сдвиг в названиях весенних месяцев (На материале восточнославянских языков) 21
- Кокурина И. В., Хорецкая Н. Ю.** Фрейминг и образ США в немецкоязычных СМИ 25
- Маник С. А.** Двусмысленность в англоязычном политическом медиадискурсе 30
- Миловская Н. Д.** Anekdote и Witz. К проблеме трансформаций 35
- Полякова Е. А.** Лингвокультурологический и поэтологический анализ наименований неба в древнеанглийской поэме «Беовульф» 42
- Ужова О. А.** Английские словари VIII—XVI веков как носители культурной информации 46
- Филатова Е. А.** Дистанционные методы обучения фонетике английского языка в условиях аудиторного билингвизма 50
- Цымбал А. Ю.** Интонационное оформление вступительного и инверсивного разделительного вопроса в академической презентационной речи 53
- Шилова Е. А.** Общие тенденции развития англоязычной терминологии туризма 60
- Сведения об авторах* 64
- Информация для авторов*
«Вестника Ивановского государственного университета» 66

CONTENTS

Study of Literature

- Kiseleva I. S.** The transformation of the narrator and the problem of existential freedom in the novel by Max Frisch «Call yourself gantenbein» 5
- Trofimenko T. M.** Man of science in the French literature of the end of XIXth century (Based on the Villiers de L'isle-Adam's novel «Claire Lenoir») 9

Linguistics

- Grigoryeva E. M.** Australian Lexicography: Beginnings, Formation, Perspectives 13
- Grigoryan A. A., Grigoryan A. Yu.** On a Version of CLT in English 18
- Kvashnina D. S., Suvorova N. V.** The semantic shift in the names of spring months (On the example of the East Slavic languages) 21
- Kokurina I. V., Khoretskaya N. Yu.** The framing and the U. S. image in the German Media 25
- Manik S. A.** Ambiguity in english political media discourse 30
- Milovskaya N. D.** Anekdotе and Witz as viewed from the angle of transformation 35
- Polyakova E. A.** Linguocultural and poetological analysis of the nouns denoting “sky” in the Old English poem *Beowulf* 42
- Uzhova O. A.** English dictionaries of VIII—XVI cc. as cultural information providers 46
- Filatova E. A.** Distant methods of teaching english phonetics in conditions of auditory bilingualism 50
- Tsimbal A. Yu.** Intonation figuration of introductory and inverse disjunctive question in the academic presentational speech 53
- Shilova E. A.** General tendencies of English tourism terminology development 60
- Information about the authors* 64
- Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»* 66

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2019. Вып. 1 (19). Филология**

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Издается в авторской редакции

Дата выхода в свет 12.02.2019 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 5,95. Уч.-изд. л. 5,0. Тираж 100 экз. Заказ № 14. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ТРАНСФОРМАЦИИ РАССКАЗЧИКА И ПРОБЛЕМА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ СВОБОДЫ В РОМАНЕ МАКСА ФРИША «НАЗОВУ СЕБЯ ГАНТЕНБАЙН»

Ключом к расшифровке этого произведения является игра на всех художественных уровнях. Его герой выбирает роли, за одну жизнь он может сменить несколько сценариев, но неизменными в этих ролях остаются некоторые узловые моменты: старость, болезнь, любовь, смерть. Сложный и многогранный феномен игры рассматривается писателем, прежде всего, с точки зрения многовариативности развития игрового сюжета.

Ключевые слова: игра, игровое поле, игровые уровни, сценарий, роль.

The key to deciphering this work is to play at all artistic levels. His hero chooses roles, in one life he can change several scenarios, but some key moments remain unchanged in these roles: old age, illness, love, death. Complex and multifaceted phenomenon of the game is considered by the writer, first of all, from the point of view of the multi-variant development of the game plot.

Key words: game, playing field, game levels, scenario, role.

«Назову себя Гантенбайн» (нем. *Mein Name sei Gantenbein*) — роман известного швейцарского писателя Макса Фриша, опубликованный в 1964 году. Русский перевод романа, выполненный С. Аптом и Л. Лунгиной, был впервые опубликован в 1975 году в журнале «Иностранная литература» [1]. Роман является наиболее загадочным произведением данного автора. В книге «Назову себя Гантенбайн» захватывают углубленным психологизмом отдельные образы, привлекают «романной» фабулой некоторые эпизоды и т. п. И все же Макс Фриш не пишет романов в подлинном смысле, «...его роман — параболла, притча, требующая “разматывания”, раскрытия, расшифровки. Необходим, следовательно, ключ», — пишет в своей статье исследователь М. И. Бент [3]. Ключом же к расшифровке этого непростого произведения является игра на всех художественных уровнях. Как известно, начиная с рубежа XIX—XX веков, игра в литературе занимает особые позиции, писателям, а в особенности драматургам, начинает быть интересен образ человека-авантюриста, героя-маски, феномен жизнотворчества. Декаданс разрабатывает тему человека-марионетки в руках непонятных сил, судьбы и, в конце концов, демонов, живущих в самой человеческой душе (психоанализ), а постмодернизм использует игру на всех уровнях, противопоставляя ее серьезности тоже на всех уровнях, отрицая наличие вообще какой-либо объективности. В контексте же творчества Макса Фриша тема романа не нова: как в драматургии так и в прозе этот писатель эксплуатирует ряд тем, связанных с проблемой свободы как экзистенциального выбора. Сложный и многогранный феномен игры рассматривается писателем, прежде всего, с точки зрения

многовариативности развития игрового сюжета. Для Фриша игра — это равновероятностный пучок возможностей. Применяя данный феномен к человеческой личности и судьбе, автор переходит к вопросу о фатальности выбора, о пределах свободы и доле ответственности индивида. В поле зрения писателя современный человек, интеллигент, живущий в мире шаблонов и штампов, и предсказуемость его жизни, неумолимая ее обыденность, та система, в которую человек вписан обществом и которая заставляет его двигаться по строго определенной траектории, является самой главной его проблемой. Герои Фриша стараются всеми силами вырваться из этой предопределенности, сломать жизненную шаблонность и привнести в свою жизнь собственный выбор. Иногда они совершают экстравагантные поступки, даже преступления, но чаще бегут в игру. Но если в романе «Штиллер» мы сталкивались с жизнотворчеством, так как герой, посчитавший себя неудачником, просто-напросто переиграл свою жизнь, приняв на себя роль другого человека, то в романе «Назову себя Гантенбайн» мы имеем дело скорее с игрой воображения, нежели с прямым жизнотворчеством. В данном случае рассказчик не скрывает, что он лишь представляет различные варианты своей действительности и примеряет на себя различные роли. При этом называет себя разными именами и меняет биографии как маскарадные костюмы. Человек выбирает роли, за одну жизнь он может сменить несколько ролей, но неизменными в этих ролях остаются некоторые узловые моменты: старость, болезнь, любовь, смерть.

Роман представляет собой некую мозаику из около десяти сюжетов, в каждом из которых Фриш достигает удивительной осязаемости с помощью массы бытовых подробностей, точной передачи чувств и любых душевных движений рассказчика. Он позволяет нам вчувствоваться, иногда делая эпос чересчур даже похожим на драматургию. Мысль о жизни — театре подчеркивается вставной историей о больном, который назвал себя Адамом и голым выбежал из лечебницы. Нагота человека трактуется как стремление отбросить прошлое и настоящее, готовность принять любую биографию. Голый бежит по улицам, пока его не ловят у здания театра, где за неимением другой одежды, его облачают в маскарадный костюм короля. И вот он — король в мантии с золотыми кистями и босиком, он может делать что хочет. Повествование то перволичное, то вдруг рассказ ведется от третьего лица, но это ничего не меняет, внутренний мир рассказчика все равно полностью открыт перед нами. «Я» рассказчика постоянно трансформируется, истории, придуманные им на ходу, перемежаются с происшествиями из прошлого или услышанными от других людей. Две наиболее значимые маски — это Эндерлин и Гантенбайн.

Феликс Эндерлин — сорокадвухлетний доктор философии, поступки которого точно со стороны наблюдаются рассказчиком, находящимся в нем, не отличается особо экстравагантными приключениями. В роли Эндерлина лирическое я переживает вполне обыденные жизненные истории. Он флиртует с незнакомкой в баре и проводит с ней ночь, он продвигается по карьерной лестнице, и т. п. Самым смелым и нестандартным поступком Эндерлина является отказ в последний момент лететь в Гарвард, чтобы читать там лекцию о Гермесе и решение остаться вместе с встреченной в баре женщиной. Варианты истории: Эндерлин летит, либо он не летит и тогда воображение рассказчика предсказывает его будущее: совместное старение с супругой. «Мне она понемногу надоедает эта игра, которую я уже знаю: действовать или отказаться от действий, в любом случае я знаю, это будет только часть моей жизни, а другую часть я все равно представляю себе...» [2, с. 320].

Во время шахматной игры с доктором Бурри рассказчик начинает думать о возможных чувствах человека, который болен и обречен на смерть. И вот он превращается в Эндерлина на больничной койке и раскрывает перед нами весь спектр ощущений человека, жить которому осталось по прогнозам врачей всего год. Снова проигрываются различные варианты возможного развития событий, выбирается одно из вероятных направлений, и Эндерлин, вопреки мнениям врачей, победивший болезнь, задумывается о том, что ему предстоит стареть и примеряет разнообразные сюжеты на эту тему. Частым мотивом является тоска из-за того, что возможен лишь один из всех вариантов судьбы из всей массы вероятных, и человек выступает его пленником. Точно так же автор рассматривает и личность. Разнообразие ролей делает ее подвижной структурой. Свободен ли человек выбирать, кем ему быть? — этот вопрос занимает писателя как в драматургии, так и во всех его романах.

Эндерлин скучен рассказчику, он слишком обычный человек, сама его личность содержит предпосылки для малого количества вариантов судьбы. По сравнению с ним муж любовницы Эндерлина как раз человек, жизнь которого гипотетически могла бы приобрести самые разные направления, даже имя, которое этот человек получает в романе «Свобода», (в то время как Эндерлин от слова «Ende» — нем. «конец»). Эндерлин, в жизни которого все так стабильно и предсказуемо, словно бы носит ад в себе. И автор объясняет, что такое, по его мнению, ад. «Я Эндерлин, чей портфель я ношу, но бессмертен, так что должен еще раз прожить его жизнь, или пусть часть жизни, год, пусть даже счастливый год, который сейчас начнется но прожить с полным знанием будущего и без ожидания, которое только и делает жизнь сносной, без той неопределенности, той неизвестности, слагаемые которой надежда и страх. Мне представляется это адом» [2, с. 314]. В конце концов, рассказчик отступает от Эндерлина. Куда более ему интересен Гантенбайн. Назвав себя так, он примеряет на себя маску авантюриста, который строит свою жизнь по законам игры. Ганенбайн перенес авткатастрофу и долго лечился. Когда с его лица были сняты повязки, он обнаружил, что не потерял зрение, однако, никому об этом не сказал. Гантенбайн носит черные очки и палку, он тщательно играет роль слепого и получает ряд интересных возможностей, например: «...сделать людей хоть чуточку свободнее, освободить их от страха, что ложь их видна... перед слепым люди не станут особенно маскироваться, благодаря чему сложатся более реальные отношения с ними, поскольку с их ложью тоже надо будет считаться, отношения более доверчивые...» [2, с. 240]. Гантенбайн высказывает открыто мнение о людях, которых якобы считает отсутствующими. Но главное он обретает своего рода свободу. Именно на уровне этого героя Фриш осмысливает проблему не только свободы, но и ответственности. Благодаря мнимой слепоте Гантенбайн стремится освободиться и от ответственности, хотя бы в той мере, в какой ее требует общественное мнение. Рассказчик представляет себя Гантенбайном — мужем известной актрисы. Несмотря на кажущийся мезальянс, брак красавицы Лили и слепого Гантенбайн называет самым счастливым. Ведь Гантенбайн никогда не упрекает жену ни за измены, которых якобы не видит, ни за неряшливость в быту, ни за многое другое, что погубило бы иную семью. Лили, для которой такой муж удобен, вполне довольна им. Она содержит Гантенбайна, не зная, что в банке у мнимого слепого есть свой капитал. Гантенбайн в качестве слепого не отвечает ни за какие свои поступки, начиная от напитка налитого мимо стакана и кончая устранением себя

от каких-либо вообще активных решений и действий. Однако Гантенбайн дарит окружающим свободу и спокойствие. Стоит Гантенбайну снять очки, признаться в том, что он не слепой, как жизнь необычайно усложнится: нужно действовать, проявлять ревность, трудиться, занимать гражданскую позицию. Этот сюжет отменяется. Теперь Гантенбайн представляется в роли отца, который уверен, что ребенок Лили не от него и все же молча мирится с этим фактом и никогда не показывает свои сомнения, сохраняя роль слепца. Однако он понимает, что не может воспитывать ребенка, потому что «...войдя в роль слепого и позволяя обманывать себя в тысячах мелочей, он дождется лишь, что маленькую Беатриче рано или поздно ...Одернет сама жизнь» [2, с. 491]. Одна из сцен, демонстрирующих мнимые удобства такого выбора, — Гантенбайн на суде в роли свидетеля: он единственный, кто может подтвердить алиби обвиняемого в убийстве, но, дорожа своим покоем, своей ролью слепого, он промолчит — и невиновный будет осужден «Назвать себя Гантенбайном, — пишет М. И. Бент, — значит признать поражение человека в сложном мире, дать ошеломить себя многоликостью проблем и конфликтов, признать относительность всех истин и смириться перед “репрессивностью” современных социальных, государственных, этических структур. Гантенбайн — модель поведения современного обывателя, принципиальный антигерой» [3]. На наш взгляд, рисуя данного героя, Фриш осмысливает концепцию так называемой толерантности в современном обществе. Он иронизирует по поводу той свободы, того благополучия, которую может дать нарочитая слепота по отношению к добру и злу, объявление моральных истин относительными понятиями.

Финал романа должен быть связан как бы с уходом рассказчика со сцены. На последних страницах представлен рассказ о человеке, который даже имени после себя не оставил, не то что истории. А об этом современнике только и знали что он жил на свете, это, в конце концов, доказывал его труп, найденный в реке. Что есть биография? — по мнению Фриша это история, которую можно рассказать. И человеку, труп которого медленно проплывал вверх лицом под мостами мимо памятников и зданий, почти удалось «отчалить без истории» [2, с. 513].

Фриша можно назвать в определенном смысле философом. Тема свободы у него ключевая и напрямую связана с игрой и сценарием в процессе реализации которого раскрываются характеры героев. Сам роман — это некая философско-литературная игра.

Можно выделить такие символы свободы в романе как смерть, двойник, бегство от самого себя, слепота, нагота, природа и т. п. Однако все они объединены игровым полем, так как только игра есть та реальность, которая позволяет человеку парадоксальным образом реализовать себя настоящего.

Библиографический список

1. Фриш М. Назову себя Гантенбайн // Иностранная литература. 1975. № 4—6.
2. Фриш М. Назову себя Гантенбайн : пер. с нем. / сост. Е. А. Кацева. Харьков : Фолио ; М. : АСТ, 2000. 576 с.
3. Бент М. И. Назову себя Гантенбайн. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/taynuysoglyadatay-avtorskie-maski-v-romane-m-frisha-nazovu-sebya-gantenbayn> (дата обращения: 18.10.2018).

Т. М. Трофименко

ЧЕЛОВЕК НАУКИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX ВЕКА

(На материале романа Вилье де Лиль-Адана «Клер Ленуар»)

Французская литература XIX века дает контрастные типы людей науки, отражающие различные точки зрения на научный прогресс. В статье рассматривается творчество французского писателя Вилье де Лиль-Адана в контексте противостояния различных эстетических и литературных направлений второй половины XIX века во Франции. Будучи убежденным противником позитивистского подхода к гуманитарным областям знания, Вилье создает сатирический образ ученого позитивиста, пытающегося заглянуть в Бесконечность «через замочную скважину».

Ключевые слова: наука, научный прогресс, ученый, позитивизм, ирония.

French literature of the XIXth century produces contrasting types of people of science, reflecting different points of view on scientific progress. The article deals with the work of the French writer Villiers de l'Isle-Adam in the context of the confrontation of various aesthetic and literary trends at the second half of the XIXth century in France. Being a strong opponent of the positivist approach to the humanitarian aspects of knowledge, Villiers creates a satirical image of a scientist-positivist who tries to look into the Infinity «through the keyhole».

Key words: science, scientific progress, a man of science, positivism, irony.

XIX стал периодом потрясений для всей Европы и в особенности для Франции. Чередование политических режимов, необычайно быстрые темпы развития науки и техники нашли свое отражение и в литературной эстетической жизни страны. Идет быстрый процесс образования новых литературных школ, представители которых отстаивают различные, порой противоречащие друг другу точки зрения. Прежде всего, это связано с публикой, на которую направлена литература, одни писатели требуют общедоступности литературного произведения для самых разных слоев населения, другие, напротив, утверждают элитарность искусства.

Подъем научной мысли, начавшийся еще в XVIII веке, и важные технические изобретения (электричество, железная дорога, телефон и др.) с одной стороны вызван быстрое развитие промышленности, с другой стороны дали человечеству веру во всемогущество научного экспериментального метода. В литературе это отражается в особом интересе к проблемам науки и роли ученого в обществе, возрождении интереса к утопии и зарождения научно-фантастической литературы в современном его звучании¹.

© Трофименко Т. М., 2019

¹ Подробнее об этом см.: *Недосейкин М. Н.* Научное мировоззрение в романе Г. Флобера «Бувар и Пекюше» // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2015. № 2. С. 57—60; *Таганов А. Н.* Формирование художественной системы М. Пруста и французская литература на рубеже XIX—XX веков / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1993. 134 с.; *Трофименко Т. М.* Роман О. Вилье де Лиль-Адана «Будущая Ева» и французская научная фантастика // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. № 1 (12). С. 14—21.

Успехи в естественных науках дали повод предположить о возможность применения подобных же методов и в гуманитарных областях. Так возникают новые направления — позитивизм и сциентизм — новая религия XIX века. На основе этой философии возникает новая литературная школа — натурализм, духовным лидером которой становится Э. Золя. Его теория «экспериментального романа», где писатель сравнивается с ученым-натуралистом, вдохновила многих художников этого времени.

Несмотря на всеобщую увлеченность экспериментальным методом, сразу же нашлись представители искусства, выступившие против натурализма, так как увидели в нем механизмы, убивающие душу человека.

Действительно, абсурдность прямого перенесения естественнонаучных методов на такие области как социология и психология проявилась уже в восьмидесятые годы и воплотилась в романе П. Бурже «Ученик». Герой романа, последователь О. Конта, цинично заявляет, что, если человек проводит вивисекцию животных, то почему бы не провести вивисекцию человеческой души. Результаты его эксперимента трагичны — героиня романа погибает и перед читателями возникает вопрос об ответственности ученого за свою деятельность. Как отмечает М. Н. Недосейкин «Ученый — это ребенок или дикарь, не вступивший еще в общество, не научившийся жить в этом сложном механизме; его страсть к анализу поэтому сродни разрушению <...> Именно такую позицию и занимает автор романа, показывая сложную, запутанную и явно противоречивую научную картину мира, которая никак не может включать в себя Непознаваемое как непознаваемое» [2, с. 119].

Неоднозначное восприятие научного прогресса в обществе повлекло за собой различное отношение к фигуре самого ученого. Ж. Нуаре, иллюстрируя примерами из произведений О. Бальзака, Э. Золя, Г. Флобера, О. Вилье де Лиль-Адана, Ж. Верна, пишет о двух основных типах ученого, воплощенных во французском искусстве XIX века: «Curieuse figure, en somme, que celle du savant dans la littérature du XIXe siècle! <...> D'une part, au plein soleil de l'idéologie positiviste, se dresse le savant officiel, idole rassurante et fêtée de la société bourgeoise <...>. De l'autre, dans l'ombre de son pandémonium archaïque, parmi les cornues et les tubulures, ses fantômes et ses crises, inquiétante résurgence du passé profond au coeur du monde moderne. Mais ces deux figures, plutôt qu'antithétiques, pourraient bien être complémentaires, tant elles sont liées et nécessaires l'une à l'autre. <...> En même temps qu'elle les encense, la France du XIXe siècle manifeste les craintes que lui inspirent les savants tout-puissants de son temps en les incarnant, sous forme symbolique, dans des figures grotesques ou redoutables» [3, p. 157—158].

Но в 60-е годы XIX века еще не идет речи о «смерти богов», а, напротив, все охвачены эйфорией всемогущества Науки и научного прогресса. На фоне этого возникает новая литературная школа «Современный Парнас», образованная группой поэтов во главе с Леконтом де Лилем. Парнасцы обвиняют натурализм в снижении литературного искусства, в предпочтении грубых инстинктов, в пренебрежении духовной стороной жизни человека. В свою очередь члены группы пропагандируют абстрактную, элитарную поэзию. В числе участников этого движения молодой талантливый поэт Вилье де Лиль-Адан.

Отношение Вилье к позитивизму остается неизменным на протяжении всей его жизни. Уже в своих первых произведениях (сборник Первые стихи, роман Исида) он указывает на слабые стороны веры в науку, которая надеется,

что материальный прогресс решит все метафизические и духовные проблемы общества².

Постепенно у Вилье созревает замысел вывести на сцену ученого-позитивиста. Перед читателем предстает не гениальный ученый, способный изменить мир, а поверхностный позитивист охваченный духом экспериментаторства. Почитая себя за великого ученого, он пытается заглянуть в тайну Вселенной «через замочную скважину»: «La réalité devient alors visionnaire — et je sens que, le microscope à la main, j'entre des plain-pied dans le domaine des Rêves !...» [5, p. 149].

Надо отметить, что Вилье протестует не против науки как таковой, а против веры в ее всемогущество. К тому же Вилье претит и то, чем становится позитивизм в сознании обывателя. Само слово «позитивный» (positif) становится синонимом слов «выгодный», «полезный».

Так у Вилье возникает замысел нового романа «Клер Ленуар», главным героем которого становится обыватель, возомнивший себя великим ученым-позитивистом. Рассказывая С. Малларме о своем намерении, Вилье говорит: «Le fait est que je ferai du bourgeois, si Dieu me prête vie, ce que Voltaire a fait des “cléricaux”, Rousseau des gentilshommes et Molière des médecins. <...> j'ai l'air de les aimer et de les porter aux nues, en les tuant comme des coqs» [4, p. 99].

Так в романе «Клер Ленуар», опубликованном в 1867 г. читатель впервые знакомится с Трибюла Бономе. Задача, которую ставит перед собой Вилье, заключается в том, чтобы привести читателя к убеждению, что идеализм предпочтительней позитивизма. Для этого, по замыслу писателя, позитивизм должен сам разрушить себя. В следствие этого весь роман полон парадоксов и противоречий.

Это проявляется с первых страниц, так как в первой главе приводится автопортрет Трибюла Бономе. Противоречиво уже описан характер героя: значительное место занимает описание ладони, так как характеристику он дает себе исходя из данных хиромантии, физиогномики и других псевдонаучных доктрин. К тому же, по словам самого Трибюла Бономе он подвержен наследственной болезни: иногда, особенно по ночам его вдруг охватывает некое чувство тревоги, что он слышит дуновение ветра и полет ночной птицы. В эти минуты он обращается к Вселенной с вопросом : какую тайну она скрывает от него.

В романе Вилье приводит слова главного героя Трибюла Бономе, повествующего о том, как надо вести спор, чтобы выиграть его. Главное здесь поменяться ролями со своим собеседником и незаметно для последнего начать противоречить своим же собственным идеям, высказанным ранее, и уже через некоторое время собеседник будет опровергать свое же собственное мнение и отстаивать мнение своего собеседника.

Задумывая роман Вилье сам, кажется, следует этому правилу. Основной задачей писатель видел в том, чтобы этим произведением подорвать базу научного и позитивистского материализма своего времени и одновременно, как он думает, установить первенство духа во вселенной.

Вилье строит характер Бономе таким образом, что он несет в самом себе свое собственное отрицание, ощущает присутствие сверхъестественного, отрицаемого им.

² См.: *Raïtt A. Villiers de L'Isle-Adam et le mouvement symboliste*. Paris : José Corti, 1965.

Придавая своему рассказу вид научных записок, автор старается повернуть против своих противников, увлеченных конкретной очевидностью, их же оружие. Осуждение позитивистской идеологии, тем более впечатляющее, что оно провозглашено — против своей воли — представителем современного сциентизма.

Враждебный всему, что не подтверждает его ограниченный взгляд на мир, Бономе вынужден одним из инструментов позитивной науки допустить, что чистая идея такая же реальная, как и материальный объект.

Вилье предоставляет слово Бономе, он будет осужден своим же собственным свидетельством и вынужден предоставить доказательства своего собственного ничтожества.

Несмотря на то, что Вилье использует в романе данные экспериментов, которые в то время вызывали большой научный интерес, события, которые излагает герой, далеки от реальности, их скорее можно отнести к фантастике. Речь идет о том, что, по выдвинутой гипотезе, на сетчатке умершего некоторое время сохраняется изображение того, что человек видел в последние мгновения. Именно этот опыт и проводит Бономе, исследуя сетчатку Клер Ленуар. Однако он обнаруживает не нечто реальное, а последнее видение Клер: убийство ее любовника Генри Клифтона разбойником Оттизором, в которого перевоплотился после своей смерти Сезер Ленуар, муж Клер.

Таким образом, рассказывая фантастическую историю о привидениях, более или менее правдоподобную, Вилье подтверждает ее правдивость тем, что она и признана и удостоверена с помощью самого точного эксперимента. Бономе попадает в свои собственные сети и приходит в конечном итоге к собственному отрицанию, а следовательно, и отрицанию идей позитивизма, сторонником которого он является.

Через двадцать лет после публикации романа Вилье вновь обращается к образу Бономе: добавив к роману еще несколько новелл, он выпускает сборник под общим названием «Трибула Бономе». Однако роман сохраняет свою первостепенную роль, остальные новеллы, за исключением «Убийцы лебедей» менее яркие и повторяют намеченные в романе черты характера Трибула Бономе

«Клер Ленуар» сбивает с толку, также как и развлекает или пугает. Его можно называть уникальным романом этого века: гениальная смесь иронии, метафизики и ужаса. Вот что писал Реми де Гурмон в «Книге масок»: «эта огромная, удивительная и трагическая буффонада, в которой, быть может, для того, чтобы создать наиболее оригинальное произведение века, вместе соединились дарования мечтателя, ирониста и философа» [1, с. 9].

Библиографический список

1. Гурмон Р. де. Книга масок. Томск. : Водолей, 1996. 53 с.
2. Недосейкин М. Н. Наука, ошибка и игра в романе П. Бурже «Ученик» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3. С. 115—120.
3. Noiray J. Figures du savant // Romantisme. 1998. № 100. P. 143—158. URL: http://www.persee.fr/doc/roman_0048_8593_1998_num28_100_3296 (дата обращения: 19.12.2018).
4. Villiers de L'Isle-Adam Au. Correspondance générale. Paris : Mercure de France, 1967. Т. 1. 245 p.
5. Villiers de L'Isle-Adam Au. Oeuvres complètes. Paris : Gallimard, 1989. Т. 2. 1750 p. (Bibliothèque de la Pléiade).

АВСТРАЛИЙСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ИСТОКИ, СТАНОВЛЕНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Рассматриваются особенности становления и развития австралийской лексикографии начиная от ее истоков до настоящего времени. Самые первые справочники по форме представляют собой глоссарии, их составители не являются профессиональными лексикографами, микроструктура характеризуется краткостью и лаконичностью. Однако с течением времени ситуация меняется. Появляются словари, микроструктура которых включает не только входную единицу и ее дефиницию, но и иллюстративные примеры, развитый аппарат добавочных семантико-функциональных характеристик. В XX в. появляется большое количество электронных и интернет-словарей, что связано с развитием технологий. В отечественной лексикографии публикуются первые справочники австралийского варианта, адресованные лингвистам, переводчикам, а также всем интересующимся австралийской культурой и австралийским вариантом английского языка.

Ключевые слова: австралийский вариант, лексикография, глоссарий, помета, входная единица, дефиниция.

Australian lexicography peculiarities from the beginning up to the present moment are studied in the article. First Australian dictionaries were glossaries, their authors were not professional lexicographers, dictionary microstructure can be characterized by laconic manner. Nowadays the situation is completely different. Dictionary microstructure includes not only a head word and its definition but various components such as illustrative examples and labels. In the 21st century electronic and Internet-based dictionaries appear. More than that first Australian English dictionaries in Russian lexicography start to appear.

Key words: Australian English, lexicography, glossary, label, head word, definition.

История становления отдельного австралийского варианта английского языка и австралийской лексикографии напрямую связана с колониальным прошлым континента. В конце XVIII в. в страну начинают приезжать первые группы европейских поселенцев.

В 1788 г. на территорию нынешнего австралийского штата Новый Южный Уэльс прибывает Первый флот (First Fleet) во главе с английским капитаном Артуром Филиппом с целью основания колонии британских ссыльных [1, с. 80].

Самые первые поселенцы на территории Австралии представляют собой представителей рабочих и крестьянских низов. Однако в страну также прибывали и чиновники, полицейские, представители интеллигенции. В это время в стране широко используется такая лексика, как сленг и аргю.

В целом вплоть до 1840 г. в Австралию выселяют осужденных каторжников из Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии [2, с. 60].

В период с 1850-х гг. в стране начинается эпоха «золотой лихорадки». Она продолжается вплоть до начала XX в. В это время происходит оживление экономики, налаживаются связи Австралии с внешним миром. В этот период среди населения продолжает активно использоваться сленг.

Однако именно в это время начинает развиваться национальная литература, возрастает число образованных людей, носителей литературного языка. В 1872 г. в штате Виктория вводится всеобщее образование [3, с. 35].

С эпохой I Мировой войны связано появление в лексическом строе военных реалий, что вполне закономерно. В это время происходит обогащение австралийского варианта за счет заимствований из французского языка, а также американского английского.

Период II Мировой войны характеризуется проникновением американских заимствований в австралийский английский, что связано с развитием технологий и коммуникаций, включая Интернет [10, р. 19].

По мнению А. Делбриджа, именно с 1940-х гг. XX в., начиная с периода II Мировой войны, начинает формироваться положительное отношение к австралийскому английскому [7, р. 310].

В результате изучения речи австралийских подростков в 1960-е гг. А. Митчел разделяет австралийский вариант на три ветви по фонологическим признакам:

Cultivated Australian English (культивированный диалект, на котором говорит примерно 10 % населения страны, на него все еще оказывает огромное влияние нормативное произношение — RP).

General Australian English (общий диалект, на котором говорит большая часть населения).

Broad Australian English («широкий» диалект необразованной части населения с выраженными отступлениями от стандартного английского языка в фонетике, словарном запасе и грамматике) [11, р. 317].

Австралийская лексикография начинает свой отчет приблизительно с середины XIX в. Австралийский исследователь А. Делбридж называет 1898 г. отправной датой в истории становления и развития австралийской лексикографии. В это время публикуются следующие справочники: “Dictionary of Australian Words” Дж. Лейка и справочник Э. Морриса “Austral English: a Dictionary of Australasian Words, Phrases and Usages with those Aboriginal-Australian and Maori Words which Have Become Incorporated in the Language, and the Commoner Scientific Words that Have Had their Origin in Australasia”. В этих словарях получает регистрацию лексика различных тематических групп: флора и фауна, праздники, наименования еды и напитков. Новаторской чертой справочника Э. Морриса становится введение в микроструктуру иллюстративных примеров из различных текстов.

Э. Моррис и Дж. Лейк становятся первыми, кто признает наличие нового отдельного ответвления английского языка, который получает наименование *Austral English*. Однако вплоть до 1940 г. австралийский вариант не воспринимается как отдельный вариант английского языка.

В середине XX в. публикуются несколько работ, посвященных лексическому составу австралийского английского. В 1976 г. в издательстве Oxford University Press Australia был издан австралийский вариант карманного

словаря Оксфорд под редакцией Грэхэма Джонстона. В данном справочнике лексические единицы, имеющие в австралийском варианте особое значение, отмечены пометой *Austral*.

По мнению А. Делбриджа, публикацию трех справочников, таких как “Dictionary of Australian Colloquialisms” (Wilkes, 1978), “The Macquarie Dictionary” (Delbridge, 1981) и “The Australian National Dictionary” (Ramson, 1988) является новым значительным шагом в рамках развития австралийской лексикографии. Именно эти словари лингвист рассматривает как справочники, благодаря которым австралийская лексикография начинает восприниматься как особая и независимая [4].

Анализ лексикографической ситуации в Австралии позволяет выделить несколько временных этапов в ее становлении.

Самые первые словари австралийского варианта были опубликованы в XIX в. К ним относятся “A New and Comprehensive Vocabulary of the Flash Language” Дж. Во 1812, “Sydney Slang Dictionary”, 1882, “Dictionary of the Slang-English and of Some Mixed Languages” К. Ленцнера 1892, а также словарь “Australian Slang Dictionary”, 1895 К. Кроу.

Глоссарий “A New and Comprehensive Vocabulary of the Flash Language” составлен Дж. Во, заключенным одной из австралийских колоний. Этим фактом обусловлен и состав словника этой работы. Лексика, зарегистрированная в нем, использовалась среди каторжников Нового Южного Уэльса.

Далее представлены примеры словарных статей из глоссария Дж. Во.

BENDER: a sixpence.

BOLT: to run away from or leave any place suddenly, is c bolting, or making a bolt: a thief observing an alarm while attempting a robbery, will exclaim to his accomplice, Bolt, there's a dawn.

COME TO THE MARK: to abide strictly by any contract previously made; to perform your part manfully in any exploit or enterprise you engage in; or to offer what I consider a fair price for any article in question [13].

Как видно из иллюстративных примеров, входная единица может быть выражена отдельной лексемой или словосочетанием. Словарная статья представляет собой либо краткое определение, либо подробное разъяснение значения той или иной входной единицы.

Особенностью самых первых словарей является то, что основной объем лексики, зарегистрированной в них, включает сленг и аргю. Таким образом по охвату лексики они представляют собой специальные словари. Лексика австралийского варианта английского языка, собственно австрализмы, не получает должной регистрации. По лексикографической форме словари являются глоссариями. Организация словника — алфавитная. Авторами данных справочников не являются профессиональные лексикографы и в них не определен адресат.

В XX в. происходит оживление лексикографической практики на территории австралийского континента. В конце XIX в., в 1898 г. был опубликован словарь Э. Морриса “Austral English”, который представляет собой значительный шаг в рамках развития австралийской лексикографии. В 1919 г. публикуется глоссарий В. Даунинга “Digger Dialects”. В 1933 г. в свет выходит еще один специализированный глоссарий “A Sheep Station Glossary” Л. Оккланда.

В словаре Э. Морриса впервые используются исторические принципы, лежащие в основе составления Большого Оксфордского Словаря. Отлич-

тельной чертой справочника является введение примеров для иллюстрации словоупотребления [5, p. 138].

В 1919 г. был опубликован справочник У. Даунинга “Digger Dialects”. Это первый глоссарий, в котором представлен сленг представителей армии. Его появление имеет непосредственную связь с историческими событиями. В нем зафиксированы лексические единицы, которые употребляют в своей речи австралийские солдаты в период I Мировой войны.

Словарная статья в данном глоссарии выглядит следующим образом:

ANTE UP — To surrender anything.

BATT (n.) — Battalion or battery [6].

Основной особенностью данных словарей является включение в микроструктуру иллюстративных примеров, что позволяет пользователю не просто познакомиться с той или иной входной единицей, но понять ее функционирование в речи. По объекту описания эти справочники являются лингвистическими либо толково-энциклопедическими.

Среди словарных изданий, опубликованных начиная с середины XX в. до начала XXI в., особо выделяются словарь Г. Уилкса “A Dictionary of Colloquialisms”, 1978, а также справочник под редакцией У. Рэмсона “The Australian National Dictionary: A Dictionary of Australianisms on Historical Principles”, 1988.

Как следует из названия справочника Г. Уилкса, основным объектом регистрации в нем выступают коллоквиализмы, разговорные выражения. Словарная статья в справочнике носит унифицированный характер и включает следующие элементы: входная единица, дефиниция, иллюстративные примеры с указанием источника.

arse 1 Effrontery, ‘cheek’, as in the phrase **more arse than Jessie** q.v. [? f. ‘hide’]

1963 John Cantwell *No Stranger to the Flame* 76: ‘The johns'd never have the arse to frisk every house in a dump like this — people'd feel their word was being doubted’...

2 Equivalent to ‘tail’ (U.S.): sexual access to women [14].

Микроструктура словаря под редакцией У. Рэмсона включает входную единицу, дефиницию, а также аппарат добавочных семантико-функциональных характеристик (например, частеречная помета и др.).

wallaby, n.

Formerly also with much variety, as wallaba, wallabee, wallabi, wollaba, wollabi, and with pl. wallaby. [a. Dharuk walaba.]

1. a. Any of many smaller marsupials of the fam. Macropodidae (see Kangaroo n. 1 a.), of several genera as Macropus, Wallabia, Lagorchestes, Lagostrophus, Onychogalea, Petrogale, Thylogale, and Setonix. Also attrib. b. With distinguishing epithet, as agile... [12].

По объекту описания эти справочники толково-энциклопедические, что является общей тенденцией в лексикографии в целом. Основной объект лексикографирования — австрализмы. По лексикографической форме словари являются толковыми. По объему справочники можно отнести к большим или средним, лексикографическая разработка слов в словнике — дифференциальная и включает широкий набор помет, вербальных и графических иллюстраций.

Эпоха XXI в. характеризуется активным внедрением информационных технологий, развитие которых не могло не сказаться на лексикографической практике не только Австралии, но мира в целом.

В это время публикуются следующие словари: Moore B. “The Australian Oxford Dictionary”, 2004; “The Macquarie Dictionary Online”; Miller J. “The Lingo Dictionary of Favourite Australian Words and Phrases”, 2009; “Australian Cultural Dictionary”; «Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь» под рук. В. В. Ощепковой, А. С. Петриковской, 2001.

Справочник Дж. Миллера “The Lingo Dictionary of Favourite Australian Words and Phrases” представляет несомненный интерес. В нем представлен сленг, словосочетания и фразы, которые в значительной степени отражают характер австралийцев. Микроструктура включает входную единицу и дефиницию, дополнительные информационные категории отсутствуют:

all alone like a country dunny. On your own, by yourself [8].

Итак, лексикография Австралии в XXI в. развивается в различных направлениях. Публикуются энциклопедические, лингвистические и толково-энциклопедические справочники, в которых зарегистрированы австрализмы. В этот период появляются словари, формат представления материала в которых не только печатный, но и онлайн. По полноте/дифференциальности лексикографической разработки слова словари могут быть полными и дифференциальными. Интерес к регистрации австрализмов в словарях наблюдается не только в зарубежной, но и отечественной лексикографии, что проявляется в публикации лингвострановедческого словаря «Австралия и Новая Зеландия» под ред. В. В. Ощепковой и А. С. Петриковской.

Библиографический список

1. Беляева Т. М., Потапова И. А. Английский язык за пределами Англии. Л. : Учпедгиз, 1961. 152 с.
2. Горяинова Ю. А. Некоторые исторические и социально-экономические источники разговорно-сленговой сферы австралийского варианта английского языка // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 1. С. 60—62.
3. Орлов Г. А. Современный английский язык в Австралии : учебное пособие для пед. вузов. М. : Высшая школа, 1978. 172 с.
4. Delbridge A. Lexicography in Australia. URL: <http://www.lexikos.journals.ac.za/pub/article/view/1127/643> (дата обращения: 12.12.2018).
5. Dixon R. M. W. Australian Aboriginal Words in Dictionaries: a History // International Journal of Lexicography. 2008. Vol. 21, № 2. P. 129—152.
6. Downing W. H. Digger Dialects: a Collection of Slang Phrases Used by Australian Soldiers on Active Service. URL: <http://digital.slv.vic.gov.au/> (дата обращения: 01.12.2018).
7. English in Australia / ed. by D. Blair, P. Collins. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2001. 366 p.
8. Miller J. The Lingo Dictionary of Favourite Australian Words and Phrases. Wollombi : Exisle Publishing Limited, 2011. 376 p.
9. Morris E. Austral English: a Dictionary of Australasian Words, Phrases and Usages with those Aboriginal-Australian and Maori Words which Have Become Incorporated in the Language, and the Commoner Scientific Words that Have Had their Origin in Australasia. London : Macmillan and CO. Limited ; New York : The Macmillan Company, 1898. 528 p.
10. Smitz P. Australian Language and Culture. Melbourne : Lonely Planet, 2007. 256 p.

11. *Taylor B.* Australian English in Interaction with Other Englishes // English in Australia / ed. by D. Blair and P. Collins. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 317—341.
12. The Australian National Dictionary : A Dictionary of Australianisms on Historical Principles. Melbourne : Oxford University Press, 1988. 814 p.
13. *Vaux J.* A New and Comprehensive Vocabulary of the Flash Language. URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks06/0600111.txt> (дата обращения: 11.12.2018).
14. *Wilkes G. A.* A Dictionary of Australian Colloquialisms. Oxford : Oxford University Press, 1978. 426 p.

ББК 74.268.19=432.1

А. А. Григорян, А. Ю. Григорян

ОБ ОДНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Многие лингвисты знакомы с выражением, суть которого сводится к следующему: в грамматике нет ничего такого, чего бы не было в лексике. Более того, значительная часть ученых вполне согласна с этим утверждением. В данной статье предпринимается попытка показать практическую пользу такого подхода в практике преподавания английского языка.

Ключевые слова: лексическая грамматика, корпусная лингвистика, коммуникативный метод в преподавании, устойчивые сочетания слов, коллокации.

The idea of interdependence and interplay between lexis and grammar can hardly be considered a new one. Based on recent research in corpus linguistics and communicative language teaching, the article attempts to outline a practical use of grammar/vocabulary merging in teaching English as a foreign language.

Key words: lexical grammar, corpus linguistics, communicative method, set expressions, collocations.

Традиционная методика преподавания иностранных языков всегда настаивала на выделении ряда аспектов изучаемого языка: грамматики, фонетики, истории языка, его лексического состава и т. д. Вместе с тем известно, что ряд ученых — как отечественных, так и зарубежных — в своих работах указывают на то, что непреходимых и жестких границ между, например, грамматикой и лексикой не существует. Так В. И. Карасик пишет, что «в грамматике нет ничего такого, чего бы не было в лексике» [2, с. 173], а Н. Ф. Алефиренко отмечает, что «...и лексическое, и грамматическое значения имеют единую гносеологическую природу, которая обнаруживается в соотносительности планов содержания единиц лексики и грамматики с внеязыковой действительностью, а также во взаимодействии формы и содержания» [1, с. 211]. По мнению одного из отцов-основателей коммуникативного метода Г. Видоусона следует вначале вводить лексические единицы и только

затем показывать “how they need to be grammatically modified to be communicatively effective” [6, p. 95]. Он считает такой подход более естественным и более эффективным [ibid., p. 95]. В этой связи, а также учитывая развитие и достижения корпусной лингвистики, внимания заслуживает идея о роли, которую могут играть в освоении английского языка, более или менее устойчивые сочетания слов. Поясним, что в данной работе под этим понимаются «коллокации», так, как они — довольно расширительно — трактуются в книге Т. МакАртура “The Concise Oxford Companion to the English Language”: “(1) The act of putting two or more things together, especially words in a pattern, and the result of that act. (2) In linguistics, a habitual association between particular words...” [4, p. 214]. Предложения, которые носитель языка сочтет “grammatically correct” не всегда одновременно являются “meaningful” или “significant”. Известный пример Н. Хомского прекрасно иллюстрирует это: “Colorless green ideas sleep furiously” [3, p. 15]. Именно отсутствие коллокационных связей (если не считать проявлением таковой выражение green ideas) приводит к тому, что грамматически корректное предложение лишено смысла. Получается, что знания только грамматики недостаточно. Как отмечает Дж. Синклер: “A language user has available to him a large number of semi-preconstructed phrases that constitute single choices, even though they might appear to be analyzable into segments [5, p. 110]. Таким образом, по мнению ученого, язык состоит из более или менее готовых лексико-грамматических элементов. В таком случае, граница между традиционно понимаемой грамматикой и лексикой, оказывается несколько размытой. Размытость эта, в частности, проявляется в «стремлении» некоторых слов употребляться в рамках определенных грамматических структур и наоборот. Проиллюстрируем сказанное. Английский глагол to found «склонен» появляться в пассивных конструкциях (Ivanovo State University was founded in 1973), а для глагола to mind характерно употребление в вопросительных и отрицательных предложениях (Do you mind my opening the window for a minute or so? or I don't mind him joining us at all). Фразовый глагол to look for обнаруживает тенденцию быть употребленным в конструкциях связанных со временами группы Continuous. Действительно, естественно выглядят такие контексты, как, например, “What are you looking for in my room?” or “What were you looking for under the table when I entered the room?” После целого ряда глаголов, «устремленных» в будущее — to want, to plan, to offer, to promise etc — естественно появление формы именно инфинитива, а не герундия. Герундий, в свою очередь, более уместен после глаголов, «обращенных» в прошлое: to deny, to acknowledge, to mention etc. Сказанное хорошо согласуется с лексико-грамматической природой упомянутых вербалиев. Получается, что мозг человека хранит фрагменты языка (коллокации) в готовом для использования виде. Нам представляется, что это более характерно для языков с преимущественно аналитическим строем, более характерно, скажем, для английского, чем для русского языка. Например, у носителя английского языка в памяти хранится в готовом виде фрагмент I haven't seen you for ages. Он, не задумываясь, использует этот «готовый кирпичик» в соответствующей ситуации. Такое положение дел, кстати, способствует беглости речи. Человеку не нужно каждый раз заново создавать ту или иную фразу; он/она обладают целым репертуаром подобных средств, которые можно использовать в самых разнообразных ситуациях. Кроме того, и в процессе чтения и слушания гораздо проще воспринимать

и понимать слова, если они включены в коллокационные цепочки. Доказано, что именно так происходит при усвоении детьми родного языка. Они без труда овладевают родным языком. Почему же в случае с изучением иностранного языка дела, зачастую, обстоят совершенно иным образом? Множество людей даже через много лет изучения иностранного языка так и не овладевают им в степени, сопоставимой с родным языком. Причина проста и очевидна. Глубина и всесторонность погружения в чужой язык и в чужую культуру не могут идти ни в какое сравнение с аналогичными процессами при усвоении родного языка. Более того, есть еще, как минимум, один фактор, плохо учитываемый при обучении английскому языку. Для английской разговорной речи характерна редукция чрезвычайно частотных, но безударных компонентов высказывания. Например, в предложении “You should have turned up in time” ударными в большинстве контекстов окажутся *turned up in time*, а редуцированными — *should have*. В результате иностранец может услышать “You should’ve turned up in time” или даже “You shoulda turned up in time”. Общеизвестные примеры с выражениями типа “Lemme see; I wanna go; Whatcha gonna do; Супа tea” являются яркими доказательствами процессов, происходящих в живой повседневной речи. Представляется, что студент, знакомый с изначальной коллокационной цепочкой, окажется готовым к восприятию подобных редуцированных выражений.

Представляется, что учебное пособие, написанное с учетом роли упомянутых выше коллокационных цепочек, может оказаться весьма полезным и востребованным иноязычной аудиторией, изучающей английский язык. Структура такого пособия могла бы выглядеть следующим образом: каждый новый параграф вводил бы несколько частотных английских слов и словосочетаний, проецируя их в область грамматики, в те грамматические структуры, где эти слова выглядят наиболее естественными, частотными и уместными.

Библиографический список

1. *Алефиренко Н. Ф.* Спорные вопросы семантики. М. : Гнозис, 2005. 326 с.
2. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. 390 с.
3. *Chomsky N.* Syntactic Structures. The Hague/Paris : Mouton, 1957. 118 p.
4. *McArthur T.* The Concise Oxford Companion to the English Language. Oxford : OUP, 1996. 776 p.
5. *Sinclair J.* Corpus, Concordance, Collocation. Oxford : OUP, 1991. 200 p.
6. *Widdowson H.* Aspects of Language Teaching. Oxford : OUP, 1990. 213 p.

ББК 81.41-3

Д. С. Квашина, Н. В. Суворова

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СДВИГ В НАЗВАНИЯХ ВЕСЕННИХ МЕСЯЦЕВ (На материале восточнославянских языков)

Статья посвящена рассмотрению диахронического процесса, произошедшего в лексемах со значением «месяц». На основе сопоставительного изучения восточнославянских названий весенних месяцев делается вывод о том, что при сходстве близкородственных языков между ними немало и различий, одно из которых связано с семантическим сдвигом, произошедшим во внутренней форме выявленных лексем и обусловленным экстралингвистическими факторами.

Ключевые слова: славянские языки, названия месяцев, внутренняя форма, номинация, сходства, различия, семантика, семантический сдвиг.

The article examines the diachronic process that happened in the names of the months. Based on the analysis of the East Slavic names of the spring months both similarities and differences of the kindred languages are revealed. One of the differences is caused by the semantic shift, which occurred in the inner form of those lexemes due to extralinguistic factors.

Key words: Slavic languages, the nominations of months, inner form, nomination, similarities, distinctions, semantics, semantic shift.

В современном сопоставительном языкознании все больше возрастает интерес к выявлению общего и различного между исследуемыми языками на примере отдельного фрагмента лексической системы. Это связано с тем, что словарный состав языка отражает специфику национального мировоззрения: названия тех или иных явлений и предметов содержат информацию об особенностях восприятия фрагментов реальной действительности каждым народом в разные исторические периоды. Безусловно, изменения в картине мира влекут за собой и изменения в языке, в его лексическом составе, в том числе — в названиях месяцев.

Названия месяцев представляют собой достаточно древний пласт лексической системы, который восходит к эпохе праславянского языка. За долгое время своего существования они подвергались влиянию различных процессов: фонетических, словообразовательных, семантических. Эти изменения являются диахроническими, и среди них наибольший интерес представляет семантический сдвиг.

К изучению семантического сдвига ученые-лингвисты обращались неоднократно. Так, Л. В. Станинова в работе «Народные названия месяцев в русском языке (структурно-семантический аспект)» определяет семантический сдвиг как процесс, при котором одно и то же название может обозначать несколько месяцев [4]. Причины этого процесса исследовательница видит в том, что «в разное время, в разные месяцы года наблюдались сходные явления или совершались аналогичные работы в сельском хозяйстве или домашнем быту» [4, с. 102].

По мнению В. Е. Гусева, семантический сдвиг является одной из центральных проблем в изучении славянской номенклатуры месяцев. В своем

© Квашина Д. С., Суворова Н. В., 2019

труде «Очерки славянской культуры» ученый обращается к сущности этого процесса, который понимается как «перемещение названий», когда «они захватывали <...> два смежных месяца» [2, с. 88]. Кроме того, в этой работе рассматриваются причины, породившие данное изменение. В частности, этот процесс, как считает исследователь, по всей вероятности, связан с тем, что до расселения славян «одно и то же название во многих случаях относилось к смежным месяцам» [2, с. 87].

Чешский лингвист В. Шаур в работе «К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев» указанному выше явлению дает иное название — семантическое несоответствие. Под ним ученый понимает процесс, при котором «одно название нередко обозначает по славянским языкам и диалектам разные месяцы» [8, с. 94]. С точки зрения В. Шаура, причины этого явления связаны с географическим положением и климатическими условиями: славяне занимали обширные территории, различные по климату, почвам, ландшафту, флоре и фауне [8, с. 95].

В исследовании Л. В. Вялкиной «Славянские названия месяцев» семантический сдвиг определяется как «несовпадение в названиях одних и тех же месяцев у разных славян» [1, с. 268]. По мнению историка языка, данный процесс обусловлен географическим положением славянских стран: на разных территориях расселения славян были разные климатические условия [1, с. 268].

В нашей работе под семантическим сдвигом понимается диахронический процесс, заключающийся в таком изменении внутренней формы названий, при котором одно и то же наименование может обозначать разные (в основном смежные) месяцы года. Интересно, что данное явление происходило почти во всех славянских языках: западнославянских, южнославянских и в некоторых восточнославянских языках. Причем преимущественно оно касалось названий осенних и весенних месяцев года, в основе номинации которых лежало наименование реалии растительного мира. В данной статье будет подробно рассмотрен семантический сдвиг, который произошел в названиях весенних месяцев в восточнославянских языках.

В древнерусском языке четвертый месяц года носил название *березозол*. Это слово по своей структуре является сложным: оно состоит из двух корней *-берез-* и *-зол-* [5, т. 1, с. 154]. Первый корень является полногласным вариантом праславянского корня **brezъ*, обозначающим название дерева береза. Важно отметить, что второй корень *-зол-* не употреблялся как самостоятельная морфема и был родственным с учетом чередования гласных корню *-зел-*, обозначающим зеленый цвет. Вероятно, название четвертого месяца связано с изменениями, которые происходят в природе в середине весны. Именно в это время года на березе появляются первые зеленые листья. Таким образом, *березозол* — это месяц, обозначающий время, когда зеленеет береза.

Существует и иная точка зрения по вопросу о том, что лежит в основе семантики данной древнерусской лексемы. В частности, в работе Л. В. Стапиной делается несколько сомнительное предположение, согласно которому *березозол* обозначает «злое» для берез время [4, с. 140]. Как правило, в апреле уже заканчивался сбор березового сока. Иногда сок собирали неаккуратно, и деревья гибли от нанесённых повреждений.

Несмотря на некоторые различия в приведенных толкованиях значения лексемы *березозол*, обе точки зрения отражают связь внутренней формы названия четвертого месяца с березой. И это неслучайно. Как известно, береза играла важную роль в жизни славян. Так, например, древесина этого дерева

применялась при строительстве жилищ, изготовлении лодок, а березовый сок использовался как ритуальный и исцеляющий напиток. Кроме того, с появлением первых листьев на березе начинались сельскохозяйственные работы. Все это говорит о том, что использование данного дерева было связано с разными сферами жизни славян — от бытовой до религиозной. Таким образом, древнерусское название четвертого месяца отражает изменения в растительном мире, которые играли важнейшую роль в основной деятельности славян — земледелии. Семантика данного наименования свидетельствует о том, что вся жизненная философия славян была связана с природным календарным циклом.

После распада древнерусского языка лексема *березозол* не сохранилась ни в одном из современных восточнославянских языков: имена существительные, обозначающие четвертый месяц в украинском (*квітень*) и белорусском языке (*красавік*), не связаны с древнерусской традицией. В основе этих номинаций лежит указание не на конкретный период жизнедеятельности березы, а на время цветения различных растений. Так, например, украинское название *квітень*, образованное от лексемы *квіт* «цветок», обозначает период появления первых цветов [10, т. 2, с. 418]. Внутренняя форма белорусского названия несколько иная. Согласно данным этимологических словарей, название месяца *красавік* связано с существительным *краса*, которое имеет значение «цветение злаковых растений» [9, т. 5, с. 113]. Таким образом, *красавік* — это месяц, когда цветут злаковые культуры. Кроме того, существует и другая точка зрения относительно этимологии данного слова, согласно которой лексема мотивируется словом *краскі* «цветы» и обозначает время появления цветов [3, с. 14].

Современное украинское название третьего месяца года *березень*, вероятно, имеет прямую связь с древнерусской лексемой *березозол*. Во внутренней форме лексемы *березень* прослеживается расширение семантики исходного слова: с утратой второго корня «зол» исчезло указание на время появления зелени на березе. Но общая связь с этим деревом сохраняется. Вероятно, внутренняя форма наименования *березень* опосредованно связана с этапами активной жизнедеятельности растений — периодом сокодвижения, в дальнейшем — с распусканием почек и появлением листьев. В сознании славян все эти природные процессы отождествлялись с окончательным приходом весны. В связи с этим можно вспомнить поговорки: «Березень — врата весны», «Березень березовым венником зиму выметает, а весну в гости приглашает».

Завершая разговор об однокоренных словах *березозол* и *березень*, следует отметить, что при этимологической общности они обозначают разные весенние месяцы: древнерусская лексема — «апрель», а украинская лексема — «март». В украинском названии произошел семантический сдвиг, обусловленный климатическими и географическими факторами: Украина южнее Белоруссии и России, а значит, и климат там теплее, и весна приходит раньше.

Белорусским языком, как и украинским, древнерусская лексема *березозол* унаследована не была. В нем даже не сохранился исконный древнерусский корень. Но при этом в названии третьего месяца года, как и в украинском языке, можно заметить опосредованную связь с березой.

Белорусское название марта более конкретно: лексема *сакавік* отражает процесс движения сока в березе, т. е. период, когда на дереве еще нет листьев. О том, что в это время года начинается процесс сокодвижения, свидетельствует и белорусская поговорка: «Сакавік деревьям сок пускает».

Современный русский литературный язык не унаследовал из древнерусского языка название месяца *березозол*. Более того, в отличие от белорусского

и украинского языков, названия ни одного весеннего месяца в русском языке никак не связаны с явлениями природы. В русском литературном языке третий месяц года носит название *март*, а четвертый — *апрель*. Обе лексемы были заимствованы из латинского языка и известны на Руси уже в XI веке [6, т. 1, с. 49; 512].

Как и большинство названий месяцев в русском языке, название третьего месяца года связано с именем древнеримского бога. Март — это месяц Марса, римского бога войны, который был «призван защищать мирный труд людей» [4, с. 45]. Именно поэтому культ Марса был связан еще и с земледелием.

В марте у древних римлян начиналась сельскохозяйственная деятельность, так что было важно зафиксировать в названии месяца указание на бога, покровительствовавшего данной сфере жизни. Примечательно, что в это время римляне совершали и сезонные военные кампании, где, безусловно, требовалась поддержка бога войны.

Название четвертого месяца года в современном русском языке *апрель* так же не связано с древнерусской традицией. Как показывают данные этимологических словарей, это слово восходит к латинскому существительному *aprilis*, скорее всего, которое является родственным *apricus* в значении «согреваемый солнцем» [7, с. 28]. В буквальном переводе с латинского языка *апрель* — «солнечный, теплый» месяц [7, с. 28].

Следует отметить, что этимология названия четвертого месяца до сих пор вызывает споры среди ученых. Наряду с приведенной точкой зрения, которая, на наш взгляд, кажется достаточно убедительной, существует мнение, что название этого месяца восходит к латинскому глаголу *aperire* — «открывать»: *ver aperire* — «начинать весну» [5, т. 1, с. 49]. Возможно, данное название связано с приходом весны не календарной, а природной. В любом случае все приведенные этимологии лексемы *апрель*, свидетельствуют об отсутствии связи этого слова с реалиями растительного мира.

Примечательно, что в процессе освоения русским языком латинского названия четвертого месяца года *апрель* произошло переосмысление внутренней формы наименования. Так, в народном сознании лексема связывалась со словом *преть* (от *прѣти*) [6, т. 1, с. 49].

Таким образом, сопоставительный анализ лексем, обозначающих весенние месяцы в современных восточнославянских языках, позволяет установить родство между древнерусским названием четвертого месяца года (*березозол*) и белорусским (*сакавік*) и украинским (*березень*) названиями третьего месяца. Все они прямо или опосредованно связаны с растительным миром, а конкретно — с березой.

Украинская лексема обнаруживает наиболее тесную связь с древнерусским существительным *березозол*, об этом свидетельствует, в частности, общий корень *-берез-*. В основу же белорусского названия месяца лег более конкретный признак — движение сока в этом дереве. Вероятно, расхождение между украинским и белорусским названием третьего месяца года объясняется экстралингвистическими факторами: разницей в климатических условиях и географическом положении Украины и Белоруссии. Произошедший в восточнославянских названиях весенних месяцев семантический сдвиг свидетельствует не о слепом наследовании древнерусской традиции, а об ее переосмыслении в связи с изменениями в реальной действительности.

При этом важно отметить, что с принятием христианства русский язык перенял латинско-греческую номенклатуру названий месяцев, сохранив исконные славянские названия только в народных говорах.

Библиографический список

1. *Вялкина Л. В.* Славянские названия месяцев // Общеславянский лингвистический атлас : материалы и исследования. 1970. М. : Наука, 1972. С. 265—279.
2. *Гусев В. Е.* О реконструкции праславянского календаря (к проблеме этногенеза славян) // Гусев В. Е. Очерки славянской культуры : письма. Статьи. Доклады. Полевые материалы. СПб. : РИИИ, 2012. С. 83—100.
3. *Кириенко В. В.* Временной темпоритм в менталитете белорусов // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы VI междунар. науч. конф., 21—22 мая 2009. Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. С. 12—18.
4. *Станинова Л. В.* Народные названия месяцев в русском языке (структурно-семантический аспект) : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007. 193 с.
5. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М. : Терра, 1996. Т. 1—4.
6. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М. : Русский язык, 1999. Т. 1—2.
7. *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка : пособие для учителя. 2-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1971. 542 с.
8. *Шаур В.* К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев // Этимология 1971. М. : Наука, 1973. С. 93—101.
9. *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / рэд. В. У. Мартынаў.* Мінск : Навука і тэхніка, 1978—2017. Т. 1—14.
10. *Етимологічний словник української мови / гол. ред. О. С. Мельничук.* Київ : Наук. думка, 1982—2012. Т. 1—6.

ББК 81.432.4-006

И. В. Кокурина, Н. Ю. Хорецкая

ФРЕЙМИНГ И ОБРАЗ США В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Статья посвящена фреймингу как одному из способов воздействия на точку зрения человека. На материале текстов немецких СМИ иллюстрируется тот факт, что актуализация отдельных фреймов при описании различных фактов, связанных с США, «заставляет» реципиента истолковывать факты так, как это выгодно автору текста, что способствует формированию определённого образа страны.

Ключевые слова: фрейм, фрейминг, манипуляция, средства массовой информации, политика.

Article is devoted to framing as one of ways of impact on the point of view of the person. On material of texts of the German media the fact that updating of separate frames at the description of various facts connected with the USA "forces" the recipient to interpret the facts as it is favorable to the author of the text that promotes formation of a certain image of the country is illustrated.

Key words: frame, framing, manipulation, mass media, policy.

© Кокурина И. В., Хорецкая Н. Ю., 2019

В современных лингвистических исследованиях и в теории коммуникации широкое распространение находит концепция фрейминга, которая опирается на теорию фреймов. Если большинство терминов в лингвистике имеет латинские корни, то «фрейм» происходит от английского слова *frame* — рамка, каркас. Данное понятие ввел в 1974 г. американский ученый М. Минский, исследовавший проблемы искусственного интеллекта и способы представления знаний в компьютере. В понимании автора, фрейм — это «структура знания для представления стереотипной ситуации» [3, с. 7]. Для лингвистических целей теорию М. Минского использовали Ч. Филлмор и Т. А. ван Дейк, которые подчеркивали, что фреймы как организованные единицы знания о каких-либо понятиях или ситуациях являются экономным способом передачи информации и ускоряют процесс ее обработки [1, 5].

В лингвистических исследованиях нет единого подхода к рассмотрению фреймов, а также отсутствует его единая трактовка. Л. А. Нефедова систематизировала основные формулировки понятия «фрейм» и сделала следующие выводы:

1) теория фреймов Ч. Филлмора представляет группы слов как некую единую схематизацию опыта (знание); эти группы мотивируются, определяются и взаимно структурируются особой конструкцией знания — фреймом. Таким образом, фрейм является единицей знаний, которая организована вокруг некоего концепта и содержит данные о существенном, типичном, возможном для этого концепта в рамках определенной структуры (Т. А. ван Дейк, Р. Богранд и В. Дреслер);

2) фрейм трактуется как структура данных для представления стереотипной ситуации (М. Минский);

3) фрейм определяется как тип когнитивной модели, которая репрезентирует знания и мнения, связанные с конкретными, часто повторяющимися ситуациями (Ф. Унгерер, Х. Й. Шмидт);

4) фрейм интерпретируется и как структура знания, объединяющая многочисленные области, ассоциируемые с данной лингвистической формой (Дж. Тейлор) [4, с. 9—10].

В современном мире многие политически и стратегически действующие лица прибегают к использованию манипулятивного потенциала фрейма. Вызывая в сознании реципиента ассоциативные связи с определёнными фреймами, автор статьи или сообщения в СМИ может создать у него социально-психологическую установку, неосознаваемую готовность к какому-либо решению или действию. Начальная установка подкрепляется последующими импульсами, что в дальнейшем способствует изменению не только поведения реципиента, но и его ценностных установок, мнений, представлений и взглядов.

Данное свойство фрейма было давно замечено средствами массовой информации, которые в современном обществе являются основным инструментом распространения сведений о происходящих в мире событиях, о политической, экономической и культурной жизни страны и мира. Благодаря своим основным функциям — информативной и коммуникативной — СМИ стали одним из наиболее влиятельных институтов в обществе. При донесении информации до реципиента современные СМИ зачастую не отображают реальность, а конструируют специфическую картину случившегося, исходя из собственных соображений.

СМИ играют ведущую роль в формировании и пропаганде определенных образов, формирующихся в зависимости от пристрастий и пропагандистских задач журналистов, которые транслируют свою позицию посредством медиатекста. М. Р. Желтухина подчеркивает ведущую роль средств массовой информации в формировании наших представлений о мире: мы черпаем знания о политике из СМИ, и ими же регулируется наше последующее поведение в этой области [3].

В теории коммуникации фрейминг основывается на утверждении, что решения людей по отношению к какому-нибудь явлению зависят от того, как это явление преподносится средствами массовой информации. Так, теория фрейминга использовалась в социологии, в когнитивной лингвистике и в теории коммуникации [6—9]. Таким образом, актуализация определенных фреймов влияет на восприятие новостей аудиторией, поскольку актуализация определенных фреймов в СМИ способствует формированию точки зрения реципиента относительно того или иного события или явления.

Для исследования функций фрейма и основных приемов суггестивной лингвистики, с помощью которых создается определенный образ Соединенных Штатов Америки, мы прибегли к изучению и выборке примеров языкового выражения вышеприведенной лингвистической концепции из материала немецкоязычных средств массовой информации.

Анализ печатных и Интернет-источников, посвященных Америке и ее представителям, показал, что реципиенту представлен определенный образ, основанный в основном на актуализации таких фреймов как «война», «агрессивное и враждебное государство» и «экономический кризис».

Актуализация фреймов и приемы суггестивной лингвистики переплетаются в медийных текстах и тесно связаны друг с другом. Указанные выше фреймы реализуются посредством различных языковых средств, таких как тематическая и стилистически окрашенная лексика, а также на приемах, нарушающих постулаты речевого общения. Остановимся наиболее подробно на примере актуализации фрейма «война».

Внешняя политика Соединенных Штатов, участие в военных действиях практически во всех горячих точках планеты, вмешательство в вооруженные конфликты в других странах обосновывают тот факт, что данное государство постоянно упоминается в сообщениях и новостях, посвященных военным действиям. Однако и в статьях на другие темы журналисты немецкоязычных печатных изданий используют такую лексику, которая имеет ярко выраженную военную окраску, что влияет на создание в сознании реципиента определенного образа США. Такого рода лексемы, встречающиеся в статьях, посвященных не военной тематике, наталкивают читателя на мысли, связанные с агрессией, тем самым актуализируя ассоциативный военный ряд. Примерами выражения военной тематики являются такие лексемы, как *der Kampf, kämpfen, der Krieg, die Strategie*:

Vor dem Hintergrund des Handelskrieges mit den USA will die Volksrepublik möglichst viele Staaten Asiens auf mehr Kooperation und freien Handel einstimmen (China beschwört auf ASEAN-Gipfel den Freihandel, Deutsche Welle. 13.11.2018).

В приведенном примере речь идет о новой внешнеторговой экономической политике Дональда Трампа, направленной на сокращение доли импортируемых товаров на внутреннем рынке. Лексическая единица *Handelskrieg* 'торговая война' не только подчеркивает журналистскую оценку этой политики,

но и вызывает в сознании реципиента определённые ассоциации и способствует формированию соответствующего образа страны. Зачастую формированию агрессивного и воинственного образа США закрепляется также одновременное употребление других лексем ассоциативного ряда «война»:

Die populistische Politik der USA und der Handelskrieg mit China beunruhigen die Globalisierer. IWF-Chefin Lagarde hat nun eine klare Botschaft für US-Präsident Trump: "Reparieren, nicht zerstören." (IWF-Chefin Legard weist Trump zurecht, Deutsche Welle. 11.10.2018).

Кроме упомянутой выше лексемы «война», в отрывке присутствует глагол *zerstören* («разрушать»), который усиливает негативное отношение к актуальной политике США.

Аналогичная ситуация наблюдается также в текстах, опубликованных в СМИ во времена президента Б. Обамы. Например:

Wir können gegen die Europäer kämpfen, rhetorisch gegen sie kämpfen... B. Obama (Der Spiegel online. Politik. 16.03.2015).

Указанная цитата президента США Б. Обамы умело «вырвана» журналистом из контекста его речи и использована в статье. Фрейм «война» в данном примере актуализируется посредством использования глагола *kämpfen*, что вызывает ассоциации с агрессивными военными действиями, и все остальные факты, содержащиеся в последующей статье, воспринимаются через призму войны. Повтор глагола *kämpfen* способствует закреплению фрейма «война» в сознании реципиента. Таким образом, Соединенные Штаты Америки представляются реципиенту в качестве агрессора.

Добавочное манипулятивное значение в указанном примере имеет генерализация сторонников точки зрения. Данный прием базируется на употреблении местоимения «мы» с размытым содержанием, что позволяет перенести мнение одного человека на всю страну.

Также стилистическим приемом, на основе которого строится данное высказывание Барака Обамы, является апосиопеза. Апосиопеза — прием, нарушающий постулат количества информации с целью манипуляции, а также состоящий в намеренном недоговаривании высказывания, что сопровождается особой интонацией, а на письме обозначается многоточием. Использование военной лексемы в высказывании, и следом за ней использование приема апосиопезы оставляет читателю свободу самому закончить сообщение. Однако употребление в конце предложения языковой единицы, относящейся к военной тематике, определяет дальнейшие мысли реципиента.

В следующем примере также можно наблюдать использование тематической и стилистически окрашенной лексики.

US-Haushaltsstreit: Countdown für die Sparbombe. (Der Spiegel online. Wirtschaft. 28.02.2013).

В приведённом высказывании фрейм «война» реализуется посредством лексемы *die Bombe*, которая относится к военной тематике. При описании экономической стратегии США, журналисты используют данную лексему, чтобы создать в контексте оттенок опасности. Описываемую ситуацию усиливает лексема *Countdown*, заимствованная из английского языка, которая имеет значение «*обратный отсчет времени*». Таким образом, у реципиента актуализируется фрейм «война», за счет вызванного ассоциативного ряда, связанного с запущенным механизмом бомбы, посредством чего и создается определенный образ агрессивной экономической политики Соединенных Штатов Америки.

Следующий пример иллюстрирует актуализацию фрейма «война» на примере отрывка из статьи, которая не связана с военной тематикой.

Schwer bewaffnete Polizisten in Soldatenkluft rollen auf gepanzerten Fahrzeugen durch die Straßen. Sie tragen Stahlhelme und Gasmasken. Mit Maschinengewehren zielen sie auf Menschen links und rechts am Gehweg. Immer wieder quellen Wolken aus beißendem Tränengas auf.

Die Kampfscenen spielten sich vorige Woche nicht im Irak oder in Afghanistan ab, sondern mitten in Amerika: in der Kleinstadt Ferguson im Bundesstaat Missouri. (FOCUS. 25.08.2014).

В указанном выше примере речь идет не о военных действиях, а о беспорядках, произошедших в маленьком городке в Америке, в ходе которых пострадало множество людей. Фрейм «война» в статье актуализируется посредством употребления журналистом лексики, относящейся к военной тематике (*schwer bewaffnete Polizisten, gepanzerte Fahrzeuge, die Kampfscenen, mit Maschinengewehren auf Menschen zielen*).

Также актуализация указанного выше фрейма базируется на сравнении описываемых беспорядков с боевыми действиями в Афганистане и Ираке: ассоциации, возникающие у читателя при упоминании названий этих стран, называемых в России «горячими точками», заставляют воспринимать действия полиции как действия врага и агрессора.

Следующий пример также содержит в себе тематическую и стилистически окрашенную лексику.

Die Weltpolizei ist zurück.

Obamas Amerika ist nüchterner, realistischer und weniger rücksichtslos als das der Bush-Jahre. Mit dem Vorgehen gegen die IS-Terroristen kehrt nun die Weltmacht zurück. Doch wären die USA nicht gegen die Terrormiliz "Islamischer Staat" eingeschritten — es hätte niemand getan. (Süddeutsche Zeitung online. 28.09.2014).

В заголовке статьи содержится уже известное нам сравнение Америки с «мировой полицией». Лексема *die Weltpolizei* ранее открыто использовалась при описании США, но в данной статье указания на явное сравнение отсутствуют. При выборе заголовка журналист учитывает уже сложившийся у читателей образ США как «мировой полиции», поэтому данный заголовок является закреплением актуализированного фрейма «война».

Подводя итог, следует ещё раз подчеркнуть, что современные СМИ часто используют суггестивную функцию фреймов и тем самым воздействуют на получателя информации, навязывая ему определённую точку зрения. Наиболее типичными фреймами, посредством которых немецкоязычные средства массовой информации создают определенный образ Соединенных Штатов Америки в сознании реципиентов, являются фреймы «война», «агрессивное государство» и «экономический кризис». На примере фрейма «война» можно проиллюстрировать, что его актуализация происходит в основном посредством использования тематической и стилистически окрашенной лексики, а также при помощи стилистических приемов.

Библиографический список

1. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 308 с.
2. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиа дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М. ; Волгоград : Ин-т языкознания РАН, 2003. 655 с.

3. Минский М. Фреймы для представления знаний. М. : Энергия, 1979. 152 с.
4. Нефедова Л. А. Когнитивный подход к интерпретации текста // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы II международной научной конференции. Челябинск : Челябинский государственный университет, 2003. С. 50—54.
5. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1988. Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. С. 52—92.
6. Dahinden U. Framing. Eine integrative Theorie der Massenkommunikation. Konstanz : UVK Verlagsgesellschaft, 2006. 346 p.
7. Edelman M. Contestable categories and public opinion // Political Communication. 1993. № 10 (3). P. 231—242.
8. Entman R. M. Framing: toward clarification of a fractured paradigm // Journal of Communication. 1993. № 43 (4). P. 51—58.
9. Matthes J. Framing-Effekt: Zum Einfluss der Politikberichterstattung auf die Einstellungen der Rezipienten. München : Verlag Reinhard Fischer, 2007. 339 S.

ББК 81.432.1-51

С. А. Маник

ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Статья посвящена рассмотрению вопроса двусмысленности в англоязычном политическом медиадискурсе на материале публикаций о событиях в Керченском заливе в 2018 г. Описывается разница между значением и смыслом, многозначностью (или полисемией) и двусмысленностью, а также дается определение изучаемому явлению. На примере слова «агрессия» в работе иллюстрируется его словарное значение, а также различные контексты в медиадискурсе, акцентируются случаи прагматически мотивированной двусмысленности и ее оценочно-характеризирующая функция и функция привлечения внимания и создания образности.

Ключевые слова: двусмысленность, значение, смысл, англоязычный политический медиадискурс.

The article deals with ambiguity in political media discourse as exemplified by publications on the events in the Kerch Strait in 2018. It describes the difference between the meaning and sense, polysemy and ambiguity, and defines the phenomenon under study. By the example of the word “aggression” the paper illustrates its dictionary definitions, as well as various contexts in media discourse; it emphasizes different cases of pragmatically driven ambiguity and its evaluative characterizing function and function of attention attraction and image creation.

Key words: ambiguity, meaning, sense, English-speaking political media discourse.

Коммуникативные исследования современной лингвистики переносят акцент на анализ конкретных языковых единиц в ситуации определенного коммуникативного акта, изучая, таким образом, различия в функционировании языковой единицы в тех или иных коммуникативных условиях и расширяя уже

имеющиеся представления об объеме значения слова. Лексикография традиционно фиксирует и описывает значения в статике, выделяя самые актуальные и частотные лексические компоненты [1]. Однако любое толкование значения представляет собой один из возможных вариантов его описания, оно не является единственным и не исчерпывает все содержание значения, поскольку невозможно подобрать и вычлениить все дифференциальные оппозиции, особенно если речь идет о функционировании слова в разных профессиональных сферах. М. В. Никитин справедливо отмечает, что денотативный потенциал имени определяется скорее не системой семантических соотношений данного имени с другими именами той же предметной области, поскольку эта система лишь слабо намечена, но опытом предшествующих денотаций [2]. Действительно, взрослый носитель языка для решения своей коммуникативной задачи может использовать лексическую единицу в том или ином контексте в новом смысле, а также поймет большинство новых для его употреблений слов. Данное обстоятельство, как подчеркивает И. А. Стернин, обусловлено тем, что значение включает не только семантические компоненты, усвоенные через личную коммуникацию, но и компоненты, которые отражают приобретенные в процессе общественного познания, общественной практики знания [3]. В индивидуальной семантической компетенции человека, следовательно, существует некий резерв значения, детерминированный его жизнью в некоем обществе, определенным мировоззрением и идеологией, что делает возможным двусмысленность (*ambiguity*).

В лингвистике данная проблема вызвала дискуссию относительно разницы между значением и смыслом, т. е. собственно языкового и мыслительного (смыслового) аспектов семантического содержания. В рамках данного исследования двусмысленность относится к области смысла, а не значения, поскольку смысл представляет собой значение, которое слово или словосочетание получает в конкретной речевой ситуации, он контекстуально обусловлен, интерактивен и динамичен. Многозначность, или полисемия, — это явление языка, основанное на парадигматике и характеризующее отдельные языковые единицы на морфемном и лексическом уровне. В свою очередь, двусмысленность — речевой феномен, базирующийся на синтагматике и присущий высказываниям. Таким образом, многозначность предопределена системно заданными потенциальными элементами содержания, двусмысленность — ситуативна и окказиональна.

М. А. Южанникова в своей диссертационной работе дает следующее определение рассматриваемому явлению: «двусмысленность — это наличие у высказывания или его фрагмента нескольких смыслов, проявляющихся более или менее эксплицитно — одновременно или последовательно, — и обусловленное сочетанием механизмов создания двусмысленности с особым контекстом» [4, с. 7].

Политический медиадискурс является одним из самых богатых источников двусмысленных словосочетаний и высказываний, журналисты и политики используют модели и механизмы порождения двусмысленности для создания альтернативного плана содержания, стимулирующего креативное мышление адресата, оказание манипулятивного воздействия на аудиторию через оценку или имплицитную подачу текстового содержания или привлечение внимания. Задачей настоящего исследования является описание выразительных приемов создания двусмысленности в англоязычном медиадискурсе на материале публикаций конца 2018 года, описывающих реакцию мирового сообщества на события в Керченском заливе.

Известны труды, в которых определяют двусмысленность, ее разновидности, описывают различные коммуникативные ситуации, выделяют основные механизмы ее создания (Л. В. Амири, И. Р. Бревдо, А. А. Зализняк, С. В. Ильясова, Л. Г. Ким, Е. В. Клюев, Г. А. Копнина, О. А. Лаптева, В. П. Москвин, И. В. Пекарская, Е. Э. Пушина, Н. Н. Романова, А. В. Филиппов, S. Attardo, C. Fuchs, R. Keefe, K. Maienborn, K. von Heusinger, P. Portner, A. Sennet, B. Nerlich, D. D. Clarke, O. Reboul и др.).

Представляется интересным исследование М. А. Южанниковой, которая на материале русского языка разработала авторскую типологию двусмысленных речевых единиц и проанализировала их по шести основным критериям: по уровням порождения; по типу разрешения; по механизму; по модели; по статусу; по прагматилистической функции [4, с. 183—184]. Так, двусмысленность может быть: семантической, синтаксической и прагматической; полной, частичной контекстной (имплицитной и эксплицитной), частичной авторской, частичной интерлокуторной (диалогической), а также может иметь особую разновидность под названием «садовая дорожка»; стилистическим приемом, речевой ошибкой или принадлежать к пограничной между ними области (быть так называемым спорным случаем). По прагматилистической функции прагматически мотивированная двусмысленность может выполнять функции развлекательную, текстообразующую, оценочно-характеризующую, иносказательную, привлечения внимания, выражения остроумия и создания образности [4, с. 183—184].

В данной работе представляется возможным обратиться к значению английского слова «*aggression*» согласно современным словарям, его смыслов и двусмысленности в разных контекстах медиа текстов мейнстрим изданий при описании событий в Керченском заливе в конце 2018 года.

В толковых словарях английского языка «*aggression*» трактуется как: чувство гнева или антипатии в результате враждебного или грубого поведения; готовность напасть или оказать сопротивление (*feelings of anger or antipathy resulting in hostile or violent behaviour; readiness to attack or confront* — <https://en.oxforddictionaries.com/definition/aggression>); физическое поведение, которое запугивает или причиняет вред (*spoken or physical behaviour that is threatening or involves harm to someone or something* — <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/aggression>); действия государства, нарушающего силой права другого государства, в частности территориальные права; неспровоцированные действия, нападение, захват и т. п. (*the action of a state in violating by force the rights of another state, particularly its territorial rights; an unprovoked offensive, attack, invasion, or the like* — <https://www.dictionary.com/browse/aggression>). В резолюции ООН агрессия определяется как «использование государством вооруженной силы против суверенности, территориальной целостности или политической независимости другого государства» (*use of armed force by a State against the sovereignty, territorial integrity or political independence of another State* — <http://www.un-documents.net/a29r3314.htm>).

В медиа текстах инцидент в Керченском заливе освещался по-разному. Так, NBC News включил в текст публикации цитату президента Украины, что помогает создать достоверность, ссылаясь на одну из сторон конфликта:

“We have all irrefutable evidence that this aggression, this attack on the Ukrainian navy's warships, was not a mistake, not an accident, but a deliberate action,” Poroshenko said (<https://www.nbcnews.com/storyline/>

ukraine-crisis/russia-attacks-seizes-three-ukrainian-naval-vessels-coast-crimea-black-n939876).

Слово «агрессия» дополняется и уточняется словосочетанием «нападение на военные корабли украинских ВМС», что не было «ошибкой, случайностью», но «намеренным действием». В данном контексте упущена сторона-инициатор, спровоцировавшая данную ситуацию, и место действия, что создает двусмысленность при восприятии высказывания П. Порошенко. У читателя формируется ощущение заранее спланированных действий и злого умысла со стороны «страны-агрессора».

Издание BBC News вынесло рассматриваемое слово в заголовок статьи «UK Troops to 'Deter Russian Aggression'» (<https://www.bbc.com/news/av/uk-39314121/uk-troops-to-deter-russian-aggression>). В данном случае двусмысленность вызывает глагол «*to deter*», который в политическом английском языке означает «предупреждать, сдерживать, не допускать» в устойчивом словосочетании «*deter nuclear strike/nuclear weapons*». Россия является ядерной державой, поэтому у читателя создается образ страны, угрожающей Европе или всему миру ядерным нападением.

В целом сами журналисты, как правило, не используют слово «агрессия» в исследуемом контексте, но описывают ситуацию при помощи слов «*to seize*», «*to capture*», «*to attack*», «*to open fire on*», «*to board*», «*to injure*», «*to violate the laws of the sea*», «*to illegally enter the territorial waters*», «*to be detained*», «*weapons were used to force vessels to stop*», «*violation*». Самым распространенным является описание событий, иногда с позиции обеих сторон, а затем ссылка на высказывание политика/официального ведомства или на принятый ООН документ, констатирующего общепринятую позицию и позволяющее сформировать у читателя необходимое мнение. Например, издание CNN News вот так описывает ситуацию:

Russia's Federal Security Service (FSB) Border Service in Crimea reported that three Ukrainian warships had illegally entered Russia's territorial waters, and were carrying out dangerous maneuvers, according to Russian state news agency TASS.

TASS reported the three Ukrainian vessels were detained by Russian forces and that "weapons were used to force them to stop".

"They did not respond to legitimate demands by the ships and boats of Russia's FSB Border Guard Service escorting them to stop immediately and performed dangerous maneuvers", the FSB said, according to TASS.

Three Ukrainian servicemen were wounded and received medical care from the Russians, TASS said.

The Ukrainian navy, on the other hand, said Russian border patrol vessels "carried out openly aggressive action" against the Ukrainian ships.

The office of Ukrainian President Petro Poroshenko described the Russian action against the Ukrainian navy ships as "an act of aggression aimed at deliberately escalating the situation in the waters of the Sea of Azov and the Kerch Strait," and called for international condemnation of Moscow and the imposition of new sanctions (<https://edition.cnn.com/2018/11/25/europe/russia-ukraine-kerch-strait-intl/index.html>).

Интересно подчеркнуть, что журналисты используют ссылки на разноплановые источники (российское государственное медиа агентство ТАСС и Украинские ВМФ), что ставит под сомнения надежность первого из них, поскольку он не может являться, в отличие от второго, первоисточником.

Также в конце представлена часть высказывания украинского президента для формирования определенной «объективной» картины. С точки зрения воздействия, последняя позиция продолжает риторику западного медиа пространства, прослеживается усиление эмоций: «открытые агрессивные действия» российских судов порождают «акт агрессии», на что обязательно необходимо ответить, наказать Москву. Следовательно, двусмысленность наименования инцидента «агрессией» приводит к необходимости ответных жестких мер — усиление/продление санкций.

Вместе с тем, американское информационное агентство использует события в Керченском заливе для уничижительного нападения на президента Трампа в публикации «Trump refuses to condemn Russian aggression against Ukraine»:

As world leaders denounced Russia's aggression against Ukraine, President Donald Trump waited more than a day before offering a muted response about the clash, leaving the task of criticizing Moscow to the outgoing US ambassador to the UN.

When asked how he felt about the clash, Trump said, "not good. Not happy about it at all". He seemed reluctant to blame Russia, adding, "we do not like what's happening either way. And hopefully it will get straightened out" (<https://edition.cnn.com/2018/11/26/politics/russia-ukraine-trump-silence/index.html>).

Журналист попрекает Д. Трампа за его нежелание обвинить «Россию в агрессии против Украины» и поддержать осуждающую позицию мировых лидеров. Выражение «Не хорошо. Не нравится мне все это» несет некий двусмысленный смысл, поскольку остается не ясно, чьи действия вызывают несогласие президента. Поэтому журналист пытается сформулировать позицию, высказывая свое предположение (*he seemed...*).

Таким образом, на материале довольно узкого среза англоязычных медиа текстов возможно говорить о прагматически мотивированной двусмысленности, выполняющей оценочно-характеризующую функцию и функцию привлечения внимания и создания образности. Представляется необходимым продолжать исследование механизмов порождения двусмысленности для улучшения интерактивности эффективной общественно-политической коммуникации.

Библиографический список

1. Маник С. А. Новое в лексикографическом описании лексического значения общественно-политической терминологии в XXI веке // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24, № 4 (октябрь-декабрь). С. 194—199.
2. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики : учебное пособие. 2-е изд., доп. и испр. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 819 с.
3. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1985. 175 с.
4. Южанникова М. А. Феномен двусмысленности как основание стилистических приемов в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2015. 208 с.

ANEKDOTE И WITZ. К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Показывается, что трансформация немецкого языкового исторического анекдота Anekdote в формат языкового бытового анекдота Wortwitz не частотное явление, имеющее только один вектор развития, а именно: языковой исторический анекдот трансформируется народным сознанием в формат языкового бытового анекдота. Рассматриваются трансформации, сопровождаемые обретением сюжетом анонимности, изменением / не изменением его композиционного формата, уплотнением текстового полотна.

Ключевые слова: (языковой) исторический анекдот, (языковой) бытовой анекдот, композиционный формат, повествование (короткий рассказ и короткий диалог), шуточный вопрос, сентенция, трансформация.

The article shows that the transformation of the German language historical anecdote into the format of a language everyday anecdote is not a frequent phenomenon that has only one vector of development, namely: the language historical anecdote is transformed by the national consciousness into the format of a language everyday anecdote. The article deals with the transformation accompanied by the acquisition of a plot of anonymity, changing / not changing of its compositional format, compacting of the text canvas.

Key words: (language) historical anecdote, (language) everyday anecdote, composition format, narrative (short story and short dialogue), humorous question, sentence, transformation.

Короткий юмористический сюжет, повествующий о небольшом эпизоде из жизни прославившейся в истории личности, в немецкой культурной традиции называется словом (die) Anekdote. Согласно данным этимологического словаря [10, S. 29], немецкое слово Anekdote представляет собой кальку заимствованного в 18 веке из французского языка слова anecdote, в свою очередь восходящего к греческому anekdota, используемому в значении «неизданный, неопубликованный». Именно под названием anekdota в кругах просвещенного мира стал известен труд византийского историка Прокопия, содержание которого составляли юмористические зарисовки смешных нелепостей из личной жизни придворных. Сказанное делает очевидной этимологическую связь жанра Anekdote с юмористическими изображениями событий из жизни исторических личностей и примерное соответствие [3, S. 25] немецкого слова Anekdote термину *исторический анекдот*.

В настоящем исследовании малоформатный юмористический сюжет, репрезентирующий своего героя представителем определенной эпохи, определенной социальной группы, мы также называем *историческим анекдотом* и толкуем его как рассказ о невероятном и забавном случае из жизни чем-то известных в истории людей. «Die Anekdote — kurze (unbegläubige) Erzählung, die eine historische Persönlichkeit durch eine Begebenheit charakterisiert» [9, S. 54]. (1). «Als Lion Feuchtwanger zum ersten mal nach New York kam, machten auf ihn die farbigen Lichtreklamen der Broadwaynacht starken Eindruck. Hingerissen seufzte er: „Wie wundervoll muß dieser Anblick für jemand sein, der nicht

lesen kann!“». При этом мы поддерживаем мнение о том, что исторический анекдот «стимулирует историческое или логико-психологическое любопытство, воскрешая быт, нравы эпохи, помогая постигнуть глубинные закономерности национального бытия» [4, с. 25].

Изучение аутентичного практического материала [7] позволяет утверждать, что героями исторических анекдотов являются известные всем носителям немецкого языка персонифицированные деятели немецкой и западноевропейской культуры, искусства, науки. Среди них поэты и писатели (Х. Закс, С. Фооте, Мольер, Г. Е. Лессинг), актеры и режиссеры (Л. Девриент, Х. Лаубе, Ф. Хаасе), композиторы (И. С. Бах, К. У. Глюк, К. Ф. Цельтер), дирижеры, солисты, критики (В. Енгель, Ф. Калькбреннер, Э. Ханслик), художники и скульпторы (Г. Шадов, А. фон Менцель, Х. Тома), врачи (Э. Л. Хайм, Ф. Тидельманн, М. фон Петенкофер), естествоиспытатели и социологи (А. Г. Кэстнер, В. Гримм, Г. Бюхман) и многие другие. На этом основании мы полагаем, что немецкий исторический анекдот имеет право претендовать на известную историческую достоверность: достоверность имен, кажущуюся или действительную реальность событий и весьма высокую вероятность реального закрепления события за персонажем.

Думается также, что такому сюжету присуща известная нравоучительность, ибо кроме намерения рассмешить реципиента он преследует цель побудить его к размышлению. Как самобытную характеристику отметим «более изысканный стиль изложения, основу которого образует тщательный подбор языковых средств, воплощающих содержание» [5, с. 8].

Короткий юмористический сюжет, повествующий о забавном эпизоде из бытовой / повседневной жизни типизированного в менталитете народа представителя немецкого этноса, носители немецкого языка называют словом (der) Witz. Под словом Witz согласно словарю Duden понимается «[prägnant formulierte] kurze Geschichte, die mit einer unerwarteten Wendung, einem überraschendem Effekt, einer Pointe am Ende zum Lachen reizt» [12]. (2). «Sekretärin am Sprechgerät: „Chef, hier ist ein Mann, der Sie nach dem Geheimnis Ihres Erfolges fragen will.“ — „Klären Sie bitte vorab, ob er Journalist oder Polizist ist!“». Такие забавные юмористические истории мы называем *бытовыми анекдотами*. Тем самым подчеркивается, что их сюжеты неизвестный остролов из народа (абстрактный представитель народа, обладающий юмористическим восприятием мира) «подсмотрел» в гуще повседневной бытовой народной жизни и просеял сквозь призму типического.

Героем бытовых анекдотов может стать любой рядовой немецкий гражданин: рядовой госслужащий, предприниматель, учитель, врач, официант, рыболов, автомобилист и т. п. О вымышленности таких сюжетов, на наш взгляд, свидетельствует тот факт, что они репрезентируют своего героя как среднестатистического обывателя. Встречаются и такие сюжеты, персонажами которых становятся животные, наделяемые характеристиками человека. Такие сюжеты обретают в финале неожиданную интерпретацию, вызывающую смех реципиента.

Отличительными характеристиками как исторического, так и бытового анекдота можно считать алогичность и непредсказуемость реакций персонажей, конфликты между действием и моралью, обескураживающие смысловые зависимости там, где их в реальности не существует. В их основе лежит карнавальное и смеховое отношение к стабильным общественно значимым нормам, идеям, ценностям, а также к тяготеющим к ритуальности реалиям

объективной действительности [6, с. 14]. Для понимания многих сюжетов необходима юмористическая компетенция реципиента и его фоновые знания.

Однако в массе немецких исторических и бытовых анекдотов встречаются сюжеты, особое своеобразие которых (вызывающее и их юмористический эффект, и смеховую реакцию реципиента), создаёт присутствующий в их текстовом полотне семантически двухплановый опорный компонент (опорная лексема или более крупный опорный фрагмент). Такого рода немецкие исторические анекдоты справедливо называть *языковыми* историческими анекдотами (ЯИА), а немецкие бытовые анекдоты — *языковыми* бытовыми анекдотами (ЯБА).

ЯИА (3) рассказывает о сложных отношениях между актером и режиссером. (3). «Ein Schauspieler stand sich schlecht mit Felix Hollaender, dem Regisseur bei Max Reinhardt. Bei einer passenden Gelegenheit erklärte er dem Regisseur: „Sie heißen Hollaender und sind in Berlin. Wissen Sie, was ich mir wünschte? Sie würden Berliner heißen und wären in Holland!“». Актеру досадно, что в Берлине у него не ладятся творческо-профессиональные отношения с режиссером Ф. Холлендером. Поэтому он заявляет, что лучше бы Феликс имел фамилию Берлинер и проживал в Голландии, нежели фамилию Холлендр и проживал в Берлине. Свою реакцию он эксплицирует при помощи языковой игры семантико-синтаксического типа, которая построена на стилистической фигуре хиазм [1].

В ЯБА (4) в статусе опорной лексемы функционирует полисемантический глагол *fehlen*, который гипотетический реципиент анекдота обнаруживает сначала в реплике пациентки, а затем и доктора. Пациентка, всерьез обеспокоенная плачевным состоянием своего здоровья, рассказывает врачу о массе тревожащих и даже мучающих её недугов, завершая свой рассказ вопросом *Können Sie mir sagen, was mir fehlt?*, в котором благодаря опорной лексеме эксплицируется значение «*fehlt mir was? bin ich krank?*» (DU, 2001b). (4). «Aufgeregt kommt eine Dame zum Arzt. „Herr Doktor, ich habe immer Kopfschmerzen, Reißen in den Armen, Bruststechen, Magenschmerzen und Hexenschuss. Meine Knie und meine Füße tun mir weh, dazu kommen Ohrensausen und Augenflimmern. Können Sie mir sagen, was mir fehlt?“ — „Was soll Ihnen denn fehlen?“, mokiert sich der Arzt. „Sie haben ja schon alles.“». Однако в реагирующей реплике врача имеет место намеренная актуализация в опорной лексеме *fehlen* другого узуально закреплённого подзначения „*nicht zu jmds. Verfügung stehen; jmdm. abgehen, mangeln*“ [8], в чём ещё раз убеждает его высказывание „*Sie haben ja schon alles.*“ Намеренное манипулирование значениями опорной лексемы *fehlen* позволяет врачу отреагировать на реплику пациентки, демонстрируя при этом свои лингвокреативные способности.

Изучение композиционных характеристик немецких ЯИА и ЯБА показало, что спектр их структурно-композиционных типов разнообразен.

Установлено, что ЯИА существует только в формате повествование (короткий рассказ и короткий диалог). Так ЯИА (5) имеет формат повествование (короткий рассказ). (5). «Kant traf einen Bekannten, der sich gerade von einer Dame verabschiedete. „War das Ihre Braut, von der Sie sich verabschiedeten?“, fragte er. „Ja, ja“, erwiderte der Freund. „Wundern Sie sich über meine Wahl?“ Kant lächelte: „Nein, über Ihre Wahl wunderte ich mich nicht, aber über *ihre!*“». ЯИА (7) и ЯИА (8) представлены в формате повествование (короткий диалог). (7). «Der Dirigent und Komponist Volkmar Andreas sagte einmal zu Max Reger: „Weißt du, Reger, wenn man deine Musik hört, wird man nicht reger,

sondern immer matter! “ „Und wenn man deine Musik hört, mein Lieber“, erwiderte Reger, „dann hört man immer andere heraus!“». (8). «Als Max Regers Freund Karl Straube während des ersten Weltkrieges für tauglich zur Artillerie befunden wurde, sagte Reger: „Erst protzte er auf der Orgel, und nun orgelt er auf der Protze!“».

Форматы существования ЯБА гораздо более разнообразны. ЯБА в форме короткого рассказа. (9). «Die Frau ist schlau, wartet erst, bis der Mann in der Badewanne liegt, dann fragt sie ihn, dass er ihr noch etwas Haushaltsgeld zuschließen soll. „Warum musst du mich in der Badewanne damit belästigen?“, prustet er. „Weil du sonst wieder sagst, du säßest auf dem Trocknen!“». Языковой бытовой анекдот в форме короткого диалога. (10). «“Es ist ein Kreuz mit meinem Mann!“, wettet Frau Brösel bei der Nachbarin. “Wenn er an einer Kneipe vorbeikommt, dann kann er nicht widerstehen, und wenn er da wieder raus kommt dann kann er wieder nicht stehen!“». Немецкий языковой бытовой анекдот в форме шуточного вопроса формально соответствуют кратко сформулированному вопросу с лаконичным ответом на него. (11). «Warum hat Gott übrigens die Kartoffel erschaffen? — Damit die armen Leute auch jemanden haben, dem sie die Haut abziehen können». Немецкий языковой бытовой анекдот в форме сентенции. (12). «Wer immer gut über die Runden gekommen ist, wird auch bei den Schlanken keine besonderen Schwierigkeiten haben».

Изучение значительного количества немецких языковых исторических и бытовых анекдотов позволяет зафиксировать эксклюзивные трансформации народным сознанием ЯИА в формат ЯБА.

В частности, среди немецких языковых бытовых анекдотов обнаружен следующий юмористический сюжет. (13). «Ein alter Mann stand einmal auf der Plattform einer überfüllten Straßenbahn. Ein junger Mann trat ihm auf den Fuß und blieb darauf stehen. Doch der Mann zog seinen Fuß nicht weg. Er klopfte dem jungen Mann nur auf die Schulter und fragte: „Sagen Sie, junger Freund, wie alt sind Sie denn?“ Der junge Mann schaute den Mann zuerst groß an und antwortete dann: „20 Jahre.“ Dann lachte der Mann und sagte: „Das dachte ich mir. Aber ich meine, Sie können in diesem Alter schon *auf eigenen Füßen stehen!*“». Удалось установить [7], что он представляет собой трансформацию ЯИА (13). (13). «Paul Heyse stand einmal auf der Plattform einer überfüllten Straßenbahn. Ein junger Mann trat ihm auf den Fuß und blieb darauf stehen. Doch der große Novellist zog seinen Fuß nicht weg. Er klopfte nur dem jungen Mann auf die Schulter und fragte: „Sagen Sie, junger Freund, wie alt sind Sie denn?“ Der junge Mann schaute den Dichter zuerst groß an und antwortete dann: „Zwanzig Jahre.“ Da lächelte Heyse und sagte: „Das dachte ich mir. Aber ich meine, Sie können in diesem Alter schon *auf eigenen Füßen stehen!*“». Очевидно, что в данной трансформации ЯИА (13) в ЯБА (12) в полной мере и без всяких изменений адаптируется семантический механизм создания юмористического эффекта в сюжете. Однако предлагаемая в ЯБА ситуация в отличие от ситуации, описываемой в ЯИА, в результате утраты прямой связи-референции с жизнью известной исторической личности в конкретную историческую эпоху обретает полную анонимность и может быть экстраполирована на рядового среднестатистического немецкого гражданина.

Несомненный интерес представляет языковой исторический анекдот, сюжет которого связывается в немецкой культурной традиции то с одной, то с другой исторической личностью (так называемый *Wanderanekdote*), которая может принадлежать даже к различным этносам. (14). «*Der Tenor Josef Schmidt, blutjung, aber schon bekannt, besuchte den Presseball in Berlin.*

Ein schönes Fräulein erregte seine Aufmerksamkeit, er stellte sich ihr vor und bat um den nächsten Tanz. Die junge Dame aus `bester` Gesellschaft musterte ihn herablassend durch ihren Fächer: „Mit einem *Kind* tanze ich nicht.“ Schmidt stutzte, lächelte: „Verzeihung, meine Gnädige, ich hatte keine Ahnung, dass Sie ein Kind erwarten.“ Er verbeugte sich tief und schritt davon.».

Не изменяя композиционного формата — это повествование в форме короткого рассказа — данный ЯИА трансформируется в формат ЯБА (15). (15). «Ein junger Mann geht in einem Tanzlokal auf eine schon etwa ältere Dame zu und fordert sie zum Tanz auf. Die Dame erwidert seine Aufforderung mit einem eiskalten Blick und sagt: „Ich tanze nicht mit einem *Kind*.“ „Oh, Verzeihung“, kontert der junge Mann, „ich wusste nicht, dass Sie in gesegneten Umständen sind.“».

Даже поверхностное сравнение ЯИА (14) с ЯБА (15) ярчайшим образом высвечивает принципиальную разницу между ними: в сюжете (15) утрачивается заострённая персонификация предлагаемого для осмысления события, его изображение обретает принципиально большую обобщённость. При этом второстепенные характеристики-уточнители в большей или меньшей мере подвергаются нюансации в том или ином направлении. Однако, по сути, само событие остаётся всё тем же: некое лицо приглашает даму на танец, получает отказ, который дама мотивирует слишком юным возрастом кавалера. При этом во всех случаях реплика высокомерной избранницы «Mit einem *Kind* tanze ich nicht», позволяющая двойную интерпретацию («с кавалером, похожим на ребенка, я не танцую/я не танцую, поскольку я с ребенком = я беременна») кочует из одной редакции анекдота в другую как образующая пуанту.

Для сюжета немецкого ЯИА (16) и сюжета немецкого ЯБА (17) важна диада *flüssig* — *überflüssig*. (16). «Gottfried Keller war wegen seiner rücksichtslosen Offenheit bekannt. Einmal kam ein junger Dichter zu dem Schriftsteller und wollte ein Urteil über seinen soeben vollendeten Roman hören. Keller las das Buch und schrieb schon wenige Tage später an den Autor: „Sehr geehrter Herr! Ihr Stil ist wirklich *flüssig*, aber Ihr Buch ist *überflüssig*“». (17). «Was ist der Unterschied zwischen Wasser und einer Schwiegermutter? Wasser ist *flüssig*. Die Schwiegermutter ist *überflüssig*». Первое, что отмечает реципиент, это несоответствие композиционных характеристик в сюжетах (16) и (17). В отличие от ЯИА (16), имеющего формат повествования в форме короткого рассказа, ЯБА (17) имеет форму шуточного вопроса с лаконичным ответом на него. Поэтому ЯБА (17) не нацелен на получение достоверной информации о запрашиваемом явлении, поскольку не предоставляет никакой, даже завуалированной в аллюзии, отправной информации о нём, а задаваемая смежными понятиями область поиска оказывается практически безграничной. По нашему мнению, вопрос в ЯБА (17) несерьёзен по своей тональности. Он направлен исключительно на то, чтобы неожиданным ответом, лежащим вне зоны прогнозирования, поразить реципиента, спровоцировав его смеховую реакцию. Семантическим механизмом создания юмористического эффекта как в ЯИА (16), так и в ЯБА (17) является игра слов, построенная на основе паронимической аттракции опорных лексем и столкновении-обыгрывании их значений на фоне друг друга.

Сюжеты (18) и (19) также демонстрируют трансформацию ЯИА (18) в ЯБА (19). Сравните. (18). «Als Rudolf Virchow 1849 im Alter von nur 28 Jahren zum ordentlichen Professor in Würzburg ernannt wurde, kam ihm manche missgünstige Äußerung zu Ohren, darunter auch das besonders hämische Urteil eines Fachkollegen für Magen — und Darmkrankheiten. Darüber bemerkte er im

Freundschaftskreis auf seine schon damals sarkastische Art: „Der liebe Kollege versteht es wohl *die Verdauung anderer Menschen zu befördern, aber die Beförderung eines anderen zu verdauen, dazu ist er nicht bereit*“». (19). «Es ist leichter *die Verdauung eines Kollegen zu befördern, als die Beförderung eines Kollegen zu verdauen*». Внимание реципиента вновь обращает на себя факт несовпадения композиционного формата данных анекдотов. В отличие от ЯИА (18) ЯБА (19) имеет форму предложения. Он подобен остроумному высказыванию, обладающему обобщающим смыслом, которое содержит лаконично сформулированный взгляд по определённому житейскому поводу, характеризуется легким юмором и юмористическим взглядом на жизнь. В чём-то этот ЯБА-предложение напоминает веллерию с его претензией на оригинальность [2, с. 70].

Семантический же механизм создания юмористического эффекта и в ЯИА (18), и ЯБА (19) продолжает оставаться прежним. Это столкновение-обыгрывание исходного опорного фрагмента, репрезентируемого существительным *die Verdauung*, сопровождаемым согласованным определением в постпозиции *eines Kollegen*, и глаголом *befördern*, на фоне альтернативного переформатированного опорного фрагмента, репрезентируемого существительным *die Beförderung*, сопровождаемым согласованным определением в постпозиции *eines Kollegen*, и глаголом *verdauen*. Расположение составляющих опорные фрагменты компонентов в указанном порядке следования лингвистически филигранно демонстрирует «перекрещивание» как перемену позиций повторяющихся компонентов из двух смежных отрезков текста. Оно и формирует яркий каламбур, развёртывающийся на структурно-синтаксической основе стилистической фигуры хиазм, когда расположение элементов имеет форму, вид креста (греч. *chiasmus*), «при котором элементы, составляющие две группы, размещены в обратном порядке, благодаря чему возникает мысль о симметрии....» [11]. Исследователи [1, с. 77] отмечают также вторичные характеристики хиазма как сбалансированного предложения, выстроенного симметрично вокруг центральной идеи в прямом, обратном или антитестическом параллелизме и способного благодаря центральному фокусу подчеркнуть главную идею или тему, которую автор стремится передать читателям. В анекдотах (18) и (19) обыгрывание исходного опорного фрагмента *die Verdauung eines Kollegen zu befördern* (где *die Verdauung eines Kollegen* предшествует *befördern*) и альтернативного переформатированного опорного фрагмента *die Beförderung eines Kollegen zu verdauen* (где *die Beförderung eines Kollegen* предшествует *verdauen*) с неизбежностью настраивает реципиента на сравнительное осмысление парадоксальности содержания альтернативного переформатированного опорного фрагмента анекдота на фоне содержания его исходного опорного фрагмента.

Итак, среди немецких исторических анекдотов и немецких бытовых анекдотов особую группу образуют сюжеты, в которых юмористический эффект создаёт присутствующий в их текстовом полотне семантически двуплановый опорный компонент (опорная лексема или более крупный опорный фрагмент).

Немецкие *языковые* исторические анекдоты существуют только в формате повествование (короткий рассказ и короткий диалог), немецкие *языковые* бытовые анекдоты кроме формата повествование (короткий рассказ и короткий диалог) представлены также форматом шуточного вопроса и предложения.

Изучение значительного количества немецких языковых исторических и бытовых анекдотов позволяет сделать следующие выводы по поводу специфики их трансформации народным сознанием:

— возможен только один вектор направления трансформаций юмористических сюжетов, а именно: ЯИА трансформируется народным сознанием в формат ЯБА;

— трансформация немецкого ЯИА в ЯБА не частотное явление;

— трансформация ЯИА в ЯБА имеет место в том случае, когда предлагаемая в ЯИА ситуация-зарисовка из жизни известной исторической личности в конкретную историческую эпоху обретает анонимность в результате утраты с ней прямой связи-референции;

— при трансформации ЯИА в ЯБА изменение композиционного формата сюжета не является неизменным сопутствующим фактором;

— при сохранении сюжетом, трансформируемым из формата ЯИА в формат ЯБА, своего композиционного формата его второстепенные характеристики-уточнители подвергаются / не подвергаются нюансации;

— при изменении сюжетом, трансформируемым из формата ЯИА в формат ЯБА, своего композиционного формата наблюдается тенденция к уплотнению его текстового полотна по принципу «повествование — короткий рассказ» / «сентенция» или «шутливый вопрос»;

— сюжеты в формате ЯБА, обладающие компактным композиционным форматом «сентенция» или «шутливый вопрос», оказываются в немецкой лингвокультуре более частотно востребованным.

Библиографический список

1. Бурканова О. П. Особенности функционирования хиазма в немецком религиозном тексте // Актуальные проблемы германистики : материалы Всесоюзной заочной научно-практической конференции. Саранск : Мордов. гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсеева, 2010. С. 75—77.
2. Девкин В. Д. Веллеризмы // Разноуровневые маргиналии в немецком и русском языке : сборник лингвистических статей / под ред. В. Д. Девкина. М. : Прометей, 2006. С. 70—76.
3. Крикманн А. Netinalju stalinist. Интернет-анекдоты о Сталине. Internet humor about Stalin. Tartu : Eesti Kirjandusmuuseum, 2004. 398 S.
4. Курганов Е. А. Анекдот как жанр. СПб. : Академический проект, 1997. 123 с.
5. Миловская Н. Д. Семантика комического. Языковой бытовой анекдот : (на материале немецкого языка). Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 137 с.
6. Миловская Н. Д. Юмор немецкого этноса. Языковой бытовой анекдот. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2014. 191 с.
7. Buscha F., Buscha J. Sprachscherze. Anekdoten für den Ausländerunterricht. Leipzig : Verlag Enzyklopädie, 1986. 224 S.
8. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 2001. 1892 S.
9. Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin : Akademie-Verlag, 1962—1977.
10. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1989. 822 S.
11. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / пер. с фр. Н. Д. Андреева. М. : Изд-во иностр. лит., 1960. 436 с.
12. URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Witz>, 2016 (дата обращения: 10.01.2017).

Е. А. Полякова

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ПОЭТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАИМЕНОВАНИЙ НЕБА В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЕ «БЕОВУЛЬФ»

Представлен подробный лингвокультурологический и поэтологический анализ наименований неба в древнеанглийской эпической поэме «Беовульф». В статье описываются характерные семантические особенности древнеанглийских наименований неба, а именно лексем *heofon*, *rodor*, *wolcen*, *swegl*. Выделяются значения данных лексем в различных контекстах с учетом их этимологии и основных особенностей древнеанглийской поэзии, таких как аллитерация и синонимия. Несмотря на христианское влияние, приводившее к вытеснению старых языческих понятий, некоторые древнегерманские пространственные представления, в частности о небе, сохранились в древнеанглийской поэме «Беовульф». Обнаружить их можно путем сравнения с памятниками древнескандинавской литературы, лучше всего сохранившими древнейшие концепты.

Ключевые слова: контекстуальный анализ, лингвокультурология, историческая семасиология, древнеанглийская поэзия, поэма «Беовульф», синонимы, наименования неба.

The given paper presents a detailed linguocultural and poetological analysis of the nouns denoting “sky” in the Old English epic poem *Beowulf*. The paper studies semantic characteristics of the Old English nouns denoting “sky”, namely *heofon*, *rodor*, *wolcen*, *swegl*. The meanings of these nouns are defined and specified, their etymology and such peculiarities of Old English poetry as alliteration and synonymy being taken into consideration. Despite Christian influence that resulted in replacing old pagan concepts by new ones, some Old Germanic space concepts, that of the “sky” among them, survived in the poem *Beowulf*. To discover those, one can compare Old English poetry with Old Norse literature that preserved ancient concepts best of all.

Key words: contextual analysis, linguoculturology, historical semasiology, Old English poetry, poem *Beowulf*, synonyms, nouns denoting “sky”.

Представления о пространстве являются концептуально значимыми в картине мира любого народа. Высокая частотность этих наименований в древнеанглийском поэтическом словаре свидетельствует о важности пространственных представлений в картине мира англосаксов. Семантическую специфику и эволюцию древнеанглийских пространственных наименований (в частности наименований неба) можно исследовать путем анализа связи этих наименований с основными уровнями поэтологического контекста и с учетом специфики семантики древнего слова и особенностей древнеанглийской поэзии как уникального литературного явления, принимая во внимание ее стилистические приемы, такие как аллитерация, формульность, обилие синонимических наименований, эпическая вариация.

Древнеанглийская поэзия, созданная на стыке культур, германской языческой и христианской, сохранила некоторые древнегерманские мифологические

представления о пространстве, выявить которые можно путем тщательного семантического анализа древнеанглийской пространственной лексики и сравнения с другими памятниками германских народов (например, с текстами древнескандинавских памятников «Младшая Эдда» и «Старшая Эдда», в которых наиболее полно сохранились древнегерманские мифологические представления).

Крупнейшим памятником древнеанглийской поэзии является эпическая поэма «Беовульф». В поэме представлены различные группы пространственных наименований — имена земли, подземного мира, моря, стран света и неба. Небо в поэме, так же как земля и море, — это неоднозначная сущность: оно связано как с героическими, так и с христианскими мотивами, а наименования неба могут обладать как положительными, так и отрицательными коннотациями. Для наименования неба в поэме «Беовульф» используются четыре лексемы: *heofon*, *wolken*, *swegl*, *rodor*.

Несмотря на то, что древнеанглийская культура была сильнее затронута христианскими веяниями, небо достаточно редко связывается в «Беовульфе» с именем христианского Бога (два случая): из четырех наименований неба (*heofon*, *rodor*, *wolcen*, *swegl*) только два (*heofon* и *rodor*) используются в роли приименного генитива с именем бога: *heofena Helm* «небес Защита» (строка 182) [6, с. 39], *rodera Rædend* «небес Правитель» (1555) [6, с. 121] (здесь и далее перевод принадлежит автору статьи).

Для христианской картины мира характерно противопоставление: «небо» (духовная сущность) — «земля» (материальная сущность) со всеми вытекающими отсюда оценочными коннотациями: «земля — бранный грешный мир», «небо — высшая, истинная сущность, Царство Божие». Однако по древнегерманским мифологическим представлениям небо и земля являются равноправными частями мира, и небо так же материально, как и земля: во-первых, согласно «Младшей Эдде», небосвод сделан из черепа великана Имира [3, с. 25], что говорит о его изначальной твердости; во-вторых, по небу, как по тверди, разъезжают Ночь и сын ее День на двух колесницах [3, с. 27], по нему скачут кони девы Солнца и ее брата Месяца, преследуемые двумя волками [3, с. 28], на небе находятся чертоги богов [3, с. 36—37].

Итак, небо языческих богов твердое и материальное (по замечанию В. В. Иванова и В. Н. Топорова, миф о «каменном небе» реконструируется для общеиндоевропейской общности [2, с. 22]). Однако представление о небе как тверди фигурирует и в Ветхом Завете в рассказе о творении мира Богом: «И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью... И назвал Бог твердь небом» (Бытие, I, 7—8) [1, с. 7]. Понимание неба как чисто духовной сущности было развито позднее, в христианстве, а Ветхий Завет, видимо, отразил древнейшие представления о творении мира. Но в любом случае параллель в рассказах о творении неба в Ветхом Завете и «Младшей Эдде» налицо.

В древнеанглийской поэме нет четкого представления о небе как о тверди. Однако иногда небо выступает как ограничивающее пространство, некий предел: это значение реализуется в формульных выражениях *under heofones hwealf* (576; 2015) [6, с. 62, 145], *under heofenes hador/hador* (414) [6, с. 52] — «под неба сводом». Можно сделать вывод, что представление о небе-тверди не является концептуальным в древнеанглийской картине мира, но отдельные элементы этого представления сохраняются в поэме, реализуясь через лексическую сочетаемость наименования неба *heofon*

с существительными *haðor* и *hwealf*, имеющими значения «ограничение, предел», «свод». Т. В. Топорова отмечает, что во многих индоевропейских языках распространена мотивировка «неба» как «свода» (древнеангл. *heofon*, древнесаксонск. *heban*, древнеисландск. *himinn*, готск. *himins*, древневерхне-немецк. *himi* «небо»; греч. *καμα'ρα* «свод», лат. *camur* «сводчатый»), связанная с происхождением названий неба от индоевропейского корня **kem-* «покрывать» [5, с. 67].

Контекстуальный и поэтологический анализ наименований неба в поэме «Беовульф» позволяет определить семантические особенности каждого наименования и выявить их связи с определенными мотивами и сюжетными линиями поэмы и роль в композиции памятника. Стоит отметить, что наименования неба (лексемы *heofon*, *wolken*, *swegl*, *rodor*) чаще всего встречаются в контекстах, где говорится не о небе, а о земле, земном мире и реализуется значение «под небесами, на белом свете». Отсюда можно заключить, что небо в сознании поэта не существует само по себе, отдельно от земли; напротив, две эти пространственные координаты воспринимаются как тесно связанные. Примечательно, что в этом значении используются все четыре наименования неба, что говорит о концептуальной значимости указанного понимания неба в древнеанглийском эпическом сознании.

Наименования неба часто выступают в стереотипных выражениях: 1) предлог + наименование неба (*under heofenum*, *under wolcnum*, *under roderum* «под небесами», *under swegle* «под небом»); 2) предлог + наименование неба в родительном падеже + существительное со значением «свод, ширь, простор» (*under heofones hwealf* «под неба сводом», *under swegles begong* «под неба ширию»). Все эти выражения синонимичны сочетаниям *geond þysne middan-geard* («в этом срединном мире»), *ofer eormengrund* («на просторной земле») и часто выступают с подобными сочетаниями в эпической вариации. Как правило, конструкции «под небесами», «под неба сводом» связаны с повествованиями о славе героя в дружинном мире или о чем-либо известном по всему свету. Так, лексема *heofon* встречается в этом значении несколько раз: например, воин данов Унферт завидует Беовульфу из-за того, что последний совершил больше подвигов «в срединном мире, под небесами» (*æfre mærdða þon mā / middangeardes // gehēdde under heofenum / þonne hē sylfa* (504—505) [6, с. 58]. Лексема *wolcen* также используется в этом значении, например, в рассказе о Скильде Скевинге, основателе династии Скильдингов, сказано, что он «процветал под облаками», то есть в героическом мире (*wēox under wolcnum* (8) [6, с. 28]. Лексема *swegl* используется в значении «на белом свете, под небесами» в повествовании о конунге Хродгаре, которому не было равных «в этом срединном мире, под неба сводом»: *geond þysne middangeard // ... // under swegles begong* (1771—1773) [6, с. 132]. Лексема *rodor* используется в этом значении только один раз: дворец Хродгара Хеорот называется «самым известным / жителям земли // из дворцов под небесами»: *foremærost / foldbuendum // receda under roderum* (309—310) [6, с. 46]. Наибольшее тяготение к выражению значения «на белом свете, под небесами» проявляет лексема *swegl*, а на втором месте находится *heofon*.

Небо может быть и зловещим, и ночное небо — ужасная и жуткая стихия. Под покровом темноты и облаков (*under wolcnum*) крадутся к Хеороту Грендель и его мать (651; 714) [6, с. 66, 69]; к облакам (*tō wolcnum*) (1374) вздымаются беспокойные волны губительного болота Гренделя, и небеса над ним плачут (*roderas rēotað* (1376) [6, с. 111]. Интересно отметить, что значение

«темное небо, облака» передается в четырех из пяти случаев с помощью лексем *wolcen* (сравни нем. *Wolke* «облако, туча»). Мрачность семантики *wolken* подчеркивает аллитерация с прилагательным *wan* (*won*) «темный, черный»: *wan under wolcnum* «темные под небесами» (651) [6, с. 66]; *won tō wolcnum* «темные к облакам» (1374) [6, с. 111]. Помимо отмеченности на фонетическом уровне, мрачность семантики *wolcen* прослеживается и на сюжетном уровне. Четыре из семи словоупотреблений слова *wolcen* в поэме связаны с миром чудовищ.

Таким образом, проанализировав наименования неба (*heofon*, *wolken*, *swegl*, *rodor*) в древнеанглийской поэме «Беовульф», можно сделать ряд выводов. Во-первых, небо в поэме — это неоднозначная сущность: оно связано как с героическими, так и с христианскими представлениями, а наименования неба могут обладать как положительными, так и отрицательными коннотациями. Во-вторых, небо в поэме редко связывается с именем христианского Бога (всего два случая), что можно объяснить намерением поэта-христианина сохранять дистанцию между близким ему христианским мировоззрением и описываемыми в поэме языческими временами. Наконец, необходимо отметить, что у наименований неба (*heofon*, *wolken*, *swegl*, *rodor*) можно выделить несколько значений, при этом самым распространенным является значение «под небесами, на белом свете», из чего можно сделать вывод, что небо в сознании поэта не существует само по себе, отдельно от земли; напротив, две эти пространственные координаты воспринимаются неразрывно связанными. Значение «небо как место пребывания Бога» выражается с помощью лексем *heofon* и *rodor*; лексема *swegl* связано с описанием героического мира и мотивом прославления героя или чего-либо известного в героическом мире; *wolcen* чаще выступает в значении «темное, мрачное небо; облака» и связано с миром чудовищ. В целом, поэтологические, синтаксические и стилистические контексты позволяют сделать вывод о семантическом богатстве понятия неба в поэме «Беовульф».

Библиографический список

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами и приложениями. В синодальном переводе. М. : Никея, 2016. 1600 с.
2. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М. : Наука, 1974. 342 с.
3. Младшая Эдда / сост. О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. Л. : Наука, 1970. 144 с.
4. Старшая Эдда / пер. А. И. Корсуна // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М. : Художественная литература, 1975. С. 181—356.
5. Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л. : Наука, 1978. 104 с.
6. Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М. : Радикс, 1994. 192 с.
7. Beowulf. A Student's Edition / ed. by George Jack. Oxford : Oxford University Press, 1994. 244 p.

АНГЛИЙСКИЕ СЛОВАРИ VIII—XVI ВЕКОВ КАК НОСИТЕЛИ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Анализируется ранний период развития английской лексикографии, рассматривается ряд словарей VIII—XVI вв. Подчеркивается, что культурную информацию можно обнаружить в самых первых лексикографических произведениях, тем самым подтверждается тезис о том, что любой словарь можно рассматривать как словарь культуры.

Ключевые слова: лексикография, культурная информация, словари ранне-английского периода, глоссы.

The article is devoted to the analysis of the early flowering of the English lexicography. It deals with the study of the dictionaries that emerged in the period between VIII and XVI cc. It is emphasized that cultural information can be traced even in the early lexicographic products, thus proving the fact that any dictionary can be considered a dictionary of culture.

Key words: lexicography, cultural information, early English dictionaries, glosses.

На одной из лексикографических конференций А. Бежуа заявил, что все словари являются словарями культуры, если рассматривать ее в широком смысле как комбинацию обычаев, искусств, социальных институтов и достижений нации, народа или иной социальной группы. Он также отметил, что словари являются частью культуры того общества, в котором были созданы. Они являются глашатаями общества, текстами, в которых описывается не только его язык, но его культура, где формируются взгляды на мир, мироощущение носителей языка [5, с. 202].

Словари — такой же продукт культуры, как и состояние философской, религиозной, научно-технической мысли народа-носителя описываемого в словаре языка. В определенном смысле уровень лексикографической практики в культуре определяет уровень ее развитости. Словарь и сам является достижением культуры и науки определенного общества в данный период исторического развития. Достойный словарь по значению для любого народа вполне правомерно сравнить с великими произведениям изобразительного искусства или музыки.

Рассматривая лексикографию с исторической точки зрения, можно ясно видеть, что в самых первых лексикографических продуктах, прослеживается то, что сейчас можно классифицировать, как потребность в отражении культурной компоненты языка. Интерес к культурной проблематике можно наблюдать на самых ранних этапах становления лексикографии. Результатом общения племен в древней Месопотамии стало не только расширение хозяйственной деятельности, но и появление списка клинообразных идеограмм, (смысловых знаков, обозначающих целые понятия) с соответствующими объяснениями последних [1, с. 208]. Перечисление собственных имен, названий гор и храмов, растений и богов указывают не только на зачатки систематизации, но и попытки применить эти способы для целей обучения языку.

Вероятно, такие тематические списки и списки особых непонятных слов можно считать прообразом современных лингвострановедческих и культурологических словарей. Кроме этого, эти списки функционально могли быть связаны с преподавательской деятельностью, отвечая образовательным культуртрегерским целям.

Составление в античные времена списков непонятных слов-глоссов и глоссариев, можно рассматривать как один из этапов развития культурологической тенденции в лексикографии. Эту традицию считают одной из первых форм античной лексикографии, как и глосс к произведениям Гомера и других античных авторов [1, с. 209].

Выделение таких компонентов из различных культурно значимых текстов служит основанием для компиляции соответствующих списков и глоссариев.

По мнению Л. П. Ступина, важным этапом истории английской лексикографии следует признать создание простейших рукописных двуязычных (а позднее многоязычных) латинско-английских и англо-латинских глоссариев VIII—XIV вв. Малоизвестные или редкие слова латинских текстов снабжались глоссами (переводом или пояснениями), которые либо вносились прямо в текст книги (межстрочные и маргинальные глоссы), либо объединялись в отдельные словари, глоссарии [4, с. 32]. Первые латинско-древнеанглийские глоссы, «Эпинальские глоссы», датируются 730 годом. Этот глоссарий содержит более тысячи латинских слов с переводом. Также в VIII в. был составлен самый крупный древнеанглийской глоссарий «*Corpus glossary*» содержащий более двух тысяч слов. Помимо глоссариев с алфавитным расположением слов, в Англии составлялись также тематические словари, которые разбивались на разделы, охватывающие различные сферы жизни (сельскохозяйственные орудия, названия трав и т. п.); например, словарь Эльфрика, относящийся к концу X в. [2, с. 46]. В словаре представлены списки слов по следующим темам: названия частей человеческого тела, болезней, различных сельскохозяйственных орудий. Итак, именно учебные цели направляли и развивали английскую лексикографию в период ее зарождения как, впрочем, и лексикографии других западноевропейских стран [4, с. 53]. Имплицитно в словарях этого времени прослеживается и тенденция кодификации культурных сведений.

Английская лексикография XV в. характеризуется более или менее квалифицированно составленными рукописными и печатными двуязычными глоссариями с довольно ограниченным, как тематически так и количественно словарем. Среди словарей этого периода наиболее известным является словарь «*Promptorium Parvulorum sive Clericorum*» — «Сокровищница для образованной молодежи», относящийся к 1440. Этот англо-латинский глоссарий содержит 12 тысяч словарных статей. Особенностью этого словаря является наличие цитат и авторских речений, иллюстрирующих значение некоторых латинских слов. Итак, использование культурно значимых текстов прослеживается и на этом этапе [8, с. 128].

Характерной особенностью английской лексикографии XVI в. является появление печатных двуязычных (латинско-английских и англо-латинских) словарей с расширенным словарем и разносторонней характеристикой слова. В этой связи особое внимание лексикографов-исследователей привлекает «Словарь» Томаса Элиота. Важной особенностью этого словаря, появившегося в 1538, стало то, что впервые в английской лексикографии термин *dictionary* был применен к собственно лексикографическому справочнику. Сам словарь представлял собой латинско-английский справочник, в котором латин-

ские слова толковались на английском языке или при помощи английских переводных эквивалентов [4, с. 56]. Уже тогда словарь был и справочником культуры. Объясняя значения слов, Т. Элиот часто приводит исторические сведения, рассказы и анекдоты, каким-то образом связанные со значением толкуемого слова, т. е. вводят пользователя словаря в круг культурных реалий, ассоциируемых с данным словом. В словаре делаются попытки ссылок на сферу употребления слова. Кроме того, в словаре содержалось большое количество цитат-иллюстраций из произведений латинских писателей-классиков, а также латинские пословицы и поговорки, поясняющие семантику латинских слов [7, с. 32].

Словари того периода не были нормативными: в них нет указаний на сферу употребления слов. Лишь в отдельных случаях содержится информация о границах употребления слова в том или ином значении. В этом отношении роль Т. Элиота достаточно велика, так как он ясно понимал необходимость нормирования лексики и пытался осуществить это на практике. Все вышесказанное, несомненно, свидетельствует о культурной маркированности словаря.

Следующий этап истории английской лексикографии прошел под знаком развития и совершенствования переводных словарей новых западноевропейских языков. Л. П. Ступин отмечает, что XVI в. в Англии часто называют веком иностранно-английских словарей. Период с XVI в. до середины XVII в. знаменует собой качественно новый этап общения между странами. Расширение торговых, экономических, политических, культурных связей между странами требовало создания переводных словарей новых западноевропейских языков [4, с. 81].

Англо-французский словарь Джона Пэлсгрейва, изданный в 1530 г., был одним из первых таких словарей. Он является приложением к учебнику французского языка. Серия других словарей появляется позднее: J. Baret "Alvearic or Triple Dictionary, English, Latin, French" (1573), R. Percyvall "Bibliotheca Hispanica" (1591), C. Hollyband "A Dictionary of the French and English Tongues" (1593), J. Florio "Dictionary in Italian and English or World of Words" (1598), R. Cotgrave "A Dictionarie of the French and English Tongues" (1611) и др. [4, с. 58]. Таким образом, в XVI в. английская лексикографическая традиция составления двуязычных и многоязычных словарей была направлена на то, чтобы помочь читателю овладеть иностранным языком.

В исследовании О. Л. Палий рассматривались лексикографические работы, опубликованные в Англии в период с 1530 по 1657 гг. Упомянутое собрание словарей носит название The Early Modern English Dictionaries Database (EMEDD) и состоит из 225 000 словарных статей, взятых из 18 работ английских лексикографов эпохи позднего Возрождения. Это внушительная подборка лексикографических текстов, включающая в себя семь двуязычных словарей, в том числе французско-английские (John Palsgrave, French-English; Randle Cotgrave, French-English), итальянско-английский (William Thomas, Italian-English) и латинско-английский (Sir Thomas Eliot, Latin-English); четыре словаря трудных слов (Edmund Coote, 1596; Robert Cawdrey, 1604; John Bullokar, 1616; Henry Cockeram, 1623), а также глоссарий (Richard Mulcaster, 1582); первый англо-английский словарь (Thomas Blount, 1656); три специализированных словаря — словарь названий лекарственных растений (William Thomas, 1578), словарь морских терминов (Henry Mainwaring, 1644) и словарь научных терминов (John Garfield, 1657); четыре трактата с глоссариями — French Grammar (Pierre Valence, 1528), «Инженерное дело» (Richard

Sherry, 1550) и «Английская поэтика» (George Puttenham, 1589). Исследователем показано, что словари этого периода: итальянско-английский словарь Флорио (Florio, *World of Words*), французско-английский словарь Котгрейва (Cotgrave) и Глоссография (Glossographia) Блаунта (Blount) можно назвать энциклопедиями.

Образованный человек эпохи Возрождения не разделял точку зрения о том, что толкование слова соответствовало тому объекту, который оно обозначает. Слово было, прежде всего, знаком, присвоенным объекту материального или идеального свойства, называющим его.

Словарная статья структурирована таким образом, что там, где предполагается наличие дефиниции, мы находим семантизирующий контекст, идиоматические выражения, пословицы или непринужденные комментарии социально-исторического характера [3, с. 46].

Словарная статья в словарях раннего новоанглийского периода обычно объясняет слова, предлагая их английские, латинские, французские, итальянские, испанские и др. эквиваленты; комментируя их употребление и предоставляя иллюстративный контекст. Если судить по словарям 1530—1657 гг., значение слова в эпоху Ренессанса не было строго регламентировано в лексикографических рамках. По словам Я. Ланкашира, по всей вероятности «сама идея определения слова была чужда современникам Шекспира» [6, с. 19—20].

Главная задача ранних английских лексикографов — фиксация и объяснение трудных и книжных слов, по существу представляла собой объяснение и презентацию «высокой культуры», т. е., культураносная функция словаря стала четко проследиваться еще с ранних времен зарождения лексикографии.

Словарь всегда был универсальным кодификатором, и, в этом смысле, хранителем и транслятором культуры, которую отражает.

Библиографический список

1. *Денисов П. Н.* Основные проблемы теории лексикографии : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1976. 367 с.
2. *Десницкая А. В., Кацнельсон С. Д.* История лингвистических учений. Л. : Наука, 1980. 260 с.
3. *Палий О. Л.* Когнитивно-семантические параметры концепта «трагическое» в исторических хрониках В. Шекспира : дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2004. 215 с.
4. *Ступин Л. П.* Лексикография английского языка. М. : Высшая школа, 1985. 168 с.
5. *Bejoint H.* The Lexicography of English: from Origins to Present. Oxford : Oxford University Press, 2010. 458 p.
6. *Lancashire I.* Lexicography in Early Modern Period: the Manuscript Record // Historical Dictionaries and Historical Dictionaries Research : Papers from the International Conference on Historical Lexicography and Lexicology at the University of Leicester, 2002 / ed. by J. Coleman, A. Mc. Dermott. Tübingen, 2004. P. 14—30.
7. *Murray J. A. H.* The Evolution of English Lexicography. Oxford : Clarendon Press, 2011. 51 p.
8. *Starnes D. W., Noyes G. E., Stein G.* The English Dictionary from Cawdrey to Johnson, 604—1755. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1991. 356 p.

Е. А. Филатова

ДИСТАНЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ФОНЕТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ АУДИТОРНОГО БИЛИНГВИЗМА

Рассматривается эффективность современных традиционных и дистанционных (компьютерных) методик обучения школьников среднего и старшего звена сегментной и супraseгментной фонетике в условиях аудиторного билингвизма. На примере конкретных программ анализируются плюсы и минусы дистанционного обучения фонетике английского языка, а также специфика его применения в школе при подготовке к итоговому государственному экзамену.

Ключевые слова: метод, подход, дистанционное обучение, сегментная и супraseгментная фонетика, аудиторный билингвизм.

The present article deals with the problem of effectiveness of distant (computer) methods of teaching of segmental and suprasegmental phonetics at school in conditions of auditory bilingualism. Based on the analysis of the concrete computer programs advantages and disadvantages of distant learning of phonetics in connection with the FSE in English are revealed.

Key words: method, approach, distant learning, segmental and suprasegmental phonetics, auditory bilingualism.

Как известно, все компоненты речевой деятельности (чтение, говорение, аудирование, письмо) взаимосвязаны и дополняют друг друга. При отработке произношения происходит формирование не только слухо-произносительной базы, но и тесно связанных с ней, навыков говорения и чтения, то есть формирование коммуникативной компетенции. Современные отечественные методики доказывают, что произношение становится главной характеристикой речи, оно является базой для развития остальных навыков иноязычного говорения [2, 3]. Нарушение фонематической правильности речи может привести к акценту и, как следствие, к непониманию со стороны слушающего.

Дистанционное обучение позволяет решить ряд важнейших задач, а именно:

— Расширить целевую аудиторию обучающихся.

— Объединить студентов различных социальных, культурных и возрастных групп.

— Решить проблемы студентов, не имеющих возможности посещать аудиторные занятия

— Привлекать внешних преподавателей.

Основным минусом дистанционного обучения является то, что в отличие от аудиторного обучения, где преподаватель может анализировать ситуацию, сознательно опираясь на визуальный источник, при дистанционном обучении возможность прямого контроля фактически отсутствует.

Дистанционное обучение иностранному языку в условиях аудиторного билингвизма имеет свою специфику и связано, прежде всего, с особенностями явления двуязычия и акцента в аудитории искусственного билингвизма.

Детский билингвизм — широко распространенное явление, охватывающее почти половину детей всего мира. Двухязычными чаще всего становятся дети из семей мигрантов или дети из биэтнических семей. Это явление называется *естественным* билингвизмом. *Искусственный (аудиторный)* билингвизм имеет место, когда обучение иностранному языку происходит в условиях определенной сформированности родного языка в рамках школьного или вузовского образования, когда искусственно создается коммуникативная среда иностранного языка [1].

Вопросы типологии современного билингвизма, как известно, освещены во многих исследовательских работах зарубежных и отечественных лингвистов. Различают следующие типы билингвизма. По числу усвоенных речевых действий выделяют *рецептивный* и *продуктивный* типы. Рецептивный тип обеспечивает лишь восприятие речи на изучаемом языке, причем в этом случае речь идет о восприятии напечатанного текста. Такой тип восприятия дает человеку возможность пользоваться словарем при возникновении трудностей в переводе и, соответственно, восприятии текста. Такой тип двуязычия широко распространен среди ученых, исследователей, инженеров, писателей и других специалистов. Продуктивный тип билингвизма предполагает не только восприятие, но и продуцирование устной и письменной речи, умение свободно выразить свою мысль на неродном языке. Стоит также отметить тот факт, что многие билингвы продуктивного типа могут достаточно свободно выражать свои мысли на втором языке, но при этом чтение и письмо на нем вызывает немалое количество трудностей. По родству языков обычно различают *близкородственный* и *неблизкородственный* типы билингвизма. По возрасту, в котором происходит усвоение второго языка, различают билингвизм *ранний* и *поздний*. Ранний билингвизм обусловлен жизнью в двухязычной культуре с детства; поздний билингвизм подразумевает, что изучение второго языка происходит уже после освоения родного языка.

При дистанционном обучении иностранному языку в условиях билингвизма выбор методик и программ определяется целями обучения, с одной стороны, характером аудитории и уровнем подготовки учащихся, с другой стороны.

Дистанционные методы позволяют достичь следующих целей:

- визуализация знаний;
- доступ к большому объему информации;
- усиление мотивации обучения;
- индивидуализация обучения и др. [4].

Благодаря разработке индивидуального подхода к обучению, компьютеры получили широкое распространение в методике преподавания иностранных языков. Компьютерные программы становятся эффективным средством обучения как для классной работы, так и для индивидуальной. Многие программы подразумевают, что учащийся сможет сам задавать степень сложности. Программами, которые нашли наиболее частотное применение в процессе обучения фонетике английского языка, являются, например, такие разработки зарубежных методистов, как «Speech Analyzer», «Professor Higgins», «Bridge to English». К плюсам данных программ можно отнести то, что учащийся имеет возможность воспринимать собственное произношение визуально и сравнивать его с произношением носителей языка. В программу «Professor Higgins» включены пословицы, поговорки, стихотворения, скороговорки, которые при дальнейшей работе помогут отработать навыки произ-

ношения как на сегментном, так и на супraseгментном уровнях. К минусам данных программ можно отнести то, что они не русифицированы. Кроме того, они имеют определенный алгоритм оценивая и не допускают нескольких вариантов ответа. Учащийся прослушивает, звуки, слова и фразы, которые записаны носителем языка, повторяет их, но, в целом, больше никакой реальной коммуникации не существует, то есть отрабатывается, в основном, только перцептивный аспект.

Принципиальное отличие данной программы — объективная оценка правильности произношения в баллах по десятибалльной шкале, что позволяет максимально точно выявить и устранить ошибки в речи в процессе тренировки. Из этого можно сделать вывод о том, что она является отличной обучающей базой для формирования и усовершенствования фонетической базы учащихся. Она подходит как для начальной школы, так и для среднего и старшего звена.

Практическое применение дистанционных компьютерных методик при обучении фонетике на старшем и среднем звене общеобразовательной школы позволило сделать вывод о том, что дистанционные компьютерные методики повышают мотивацию учащихся старшего звена и способствуют, таким образом, улучшению учебного процесса. Вместе с тем, являясь преобладающим или просто частотным методом обучения в средней школе они не могут по ряду следующих причин. Основной формой контроля устной речи в ЕГЭ по английскому языку является постановка вопросов с последующим контролем их грамматической и фонетической правильности. Устная часть экзамена включает также описание фотографий и сравнительный анализ предложенных картинок. Данный тип заданий нацелен не только на контроль сформированности произносительных навыков речи, но и на оценивание таких видов монологических высказываний, как описание и сопоставление. Задание является компьютерной программой и контролируется членами комиссии дистанционно. К сожалению, современные дистанционные методики пока никак не отражают подобного рода заданий и не всегда учитывают явления интерференции родного языка как на продуктивном, так и на перцептивном уровнях звучащей речи.

Библиографический список

1. *Вишневецкая Г. М.* Билингвизм и его аспекты : учебное пособие / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1997. 98 с.
2. *Гальскова Н. Д., Гез Н. И.* Теория обучения иностранным языкам : учебное пособие. М. : Академия, 2015. 368 с.
3. *Denisov K. M., Filatova E. A.* Segmental and Suprasegmental Means of English Phonetics : Teaching Aid. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2018. 102 с.
4. *Potapova P. K., Shigina E. V.* New Information Technologies in Foreign Language Learning Today. Moscow : MSLU, 2003. 184 p.

А. Ю. Цымбал

ИНТОНАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ВСТУПИТЕЛЬНОГО И ИНВЕРСИВНОГО РАЗДЕЛИТЕЛЬНОГО ВОПРОСА В АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПРЕЗЕНТАЦИОННОЙ РЕЧИ

Рассматриваются особенности интонационной реализации конструкций вступительного и инверсивного разделительного вопроса в академической презентационной речи. Особое внимание уделяется специфике коммуникативных задач разделительных вопросительных высказываний и интонационным моделям их реализации, используемым ораторами — носителями американского варианта английского языка.

Ключевые слова: вступительный и инверсивный разделительный вопрос, академическая презентация, интонационное оформление, коммуникативные задачи, вовлечение адресата в рассуждение.

The article deals with the peculiarities of intonational figuration of introductory and inverse disjunctive question in the academic presentational speech. Special attention is paid to the specifics of communicative tasks of the above-mentioned interrogative constructions and intonation patterns of their implementation by native speakers of American English.

Key words: introductory and inverse disjunctive question, academic presentation, intonational figuration, communicative tasks, involvement of the addressee in the discourse.

Использование языковых (в том числе и интонационных) средств в соответствии с условиями общения в интересах достижения целей коммуникантов является объектом многих лингвистических исследований. Сознательное и целенаправленное выстраивание процесса диалога в коммуникации является одной из частных стратегий убеждения, овладение которой является важным компонентом профессиональной деятельности лекторов, юристов и прочих лиц, для которых речевое общение входит в сферу профессиональной компетенции, что определяет актуальность изучения данной проблематики.

Вступительный и инверсивный разделительный вопрос, наряду с восклицаниями и иными вопросительными конструкциями и комплексами используются в академической презентационной речи с целью увеличения удельного веса диалога в коммуникации и реализации тактики вовлечения адресата в рассуждение.

Вступительный вопрос, является одним из самых популярных ораторских приемов и призван подчеркнуть значимость утверждения и обратить внимание слушателя на конкретную проблему. При этом использование вопросительной формы является условностью, так как ответа на такой вопрос не ожидается или же он слишком очевиден [3, с. 44]. Инверсивный разделительный вопрос является одной из основных лексико-грамматических единиц, реализующих максимум такта и имплицативные значения, передающие отношение говорящего, а также важнейшим инструментом достижения стратегических целей в речевом общении [1, с. 5].

В презентационной речи вопросы-обращения и вопросительные разделительные конструкции являются важнейшим инструментом достижения стратегических целей речевого общения, вовлекая адресата в рассуждение, что актуализирует выделение данных конструкций в отдельную группу для интонационного исследования.

Предметом настоящего исследования выступают особенности интонационного оформления конструкций вступительного и инверсивного разделительного вопросов, функционирующих в академической презентационной речи (на материале американского варианта английского языка).

Основной целью исследования является выявление и анализ устойчивых интонационных моделей оформления конструкций вступительного и инверсивного разделительного вопросов в академической презентационной речи в рамках их коммуникативных задач.

Поставленная цель подразумевает решение следующих главных задач:

1) сформулировать понятийную базу исследования на основании рассмотрения содержащихся в специализированной литературе данных;

2) выявить основные типы конструкций вступительного и инверсивного разделительного вопросов, используемых ораторами — носителями языка, описать структуру их акцентно-мелодического контура, эмоционально-модальное значение и роль в вовлечении адресата в дискурс академической презентации.

Для решения указанных задач использовались следующие методы исследования: сплошной выборки, лингвистического анализа исследуемых речевых единиц, слухового анализа презентационной речи, количественной обработки числовых значений с последующей лингвистической интерпретацией полученных данных.

Материалом для проведения эксперимента послужили аудио- и видеозаписи устной речи тридцати информантов, мужчин и женщин (носителей американского варианта английского языка), сделанные на научных конференциях (объем звучания сто минут) и извлеченные из сети Интернет (объем звучания двести минут), общий объем звучания триста минут [9, с. 6]. В тридцати анализируемых презентациях было выявлено сорок конструкций вступительного вопроса и три конструкции инверсивного разделительного вопроса, послуживших объектом интонационного анализа.

В исследованиях (Вишневская Г. М., 2002; Давыдов М. В., Малюга Е. Н., 2002; Скрипак И. А., 2013; Соколова М. А., 2010; Шеримбетова О. Э., 2016) интонация вопросов-обращений описывается как сходная во многом с интонацией аналогичных вопросов в русском языке. Интонация вопросов — обращений различается в зависимости от того, является ли вопрос первичной интеррогативной конструкцией или переспросом. Первичный вопрос оформляется контуром с нисходящим тоном, в то время как переспрос — восходящим. Наиболее типичным интонационным контуром вступительного (риторического) вопроса признается контур с постепенно нисходящей шкалой и падающим завершением. Замена низкого нисходящего тона на высокий нисходящий отличает высказывания с окраской раздражительности и нетерпеливости. Восходящие тоны характерны для высказываний оживленного, делового характера. При этом, сам риторический вступительный вопрос определяется как «эффективная фигура диалогизации монологической речи, служащая для смыслового и эмоционального выделения ее смысловых центров,

формирования эмоционально-оценочного отношения адресата к предмету речи» [7, с. 240].

В исследуемом материале было выявлено 12 интонационных моделей вопросов-обращений, представленных 40 конструкциями вступительных риторических вопросов, из которых — 33 специальные вопросы и 6 — общие. Вопросительные конструкции в форме специальных вопросов содержат призыв к сомышлению, восстановлению истины и справедливости, имеют модальный оттенок серьезности и морального долга. Специальные вступительные вопросы представлены 8 интонационными моделями разной эмоциональной окраски, из которых первые 3 являются наиболее частотными, а 3, 7 и 8 используются наиболее опытными ораторами.

Первая интонационная модель оформляется низким нисходящим терминальным тоном (Low Fall) и делится на высказывания с централизованным (спокойствие, основательность), и децентрализованным эмфатическим ударением (моральный долг).

+/-Low/High Pre-Head + (Stepping Head + Low Fall) +/- Tail

'What are the res'ponsibilities of the 'rich? || (спокойствие, серьезность, глубина, основательность, призыв к сомышлению)

'Why is A'merica 'sentencing 'juveniles to 'life without the 'possibility of parole? || (призыв к восстановлению справедливости, истины, моральный долг)

What about that 'average citizen in Ni'geria | who has a be'lief to say 'this is 'wrong? || (призыв к восстановлению истины, моральный долг)

Во второй интонационной модели используется нисходящая шкала с высоким падением (High Fall), придающая высказыванию деловой характер оживленность, заинтересованность.

+/-High Pre-Head + (Stepping Head + High Fall) +/- Tail

How this 'cultural 'competence re'lates to these 'various 'pieces of health promotion 'model? ||

Why might 'that be the 'case? ||

Третья интонационная модель, завершаемая низким восходящим тоном (Low Rise), придает высказыванию незаконченность, предвкушение, удивление, настороженность.

+/- Low Pre-Head + (Stepping Head + Low Rise) +/- Tail

Let me clearly point out that they are not. ||

'Why? || (незаконченность, удивление, настороженность)

+/- High Pre-Head + (Stepping Head + Low Rise) +/- Tail

So 'how do we make 'sure par'ticipants are engaged, | paying at'tention | and actually re'taining the ma'terials that we are 'covering? || (незаконченность, предвкушение)

Четвертая и пятая интонационные модели, сочетающие падение и подъем одновременно, имеют значение оживленности, эмоциональности, в некоторых случаях, недосказанности, наличия имплицитного смысла высказывания, различного рода подтекст, а также коррекцию, уточнение, контраст, противопоставление.

+/- High Pre-Head + (Stepping Head + Fall+Rise) +/- Tail

So | 'what might a 'socio-psychological view of a re'view p'rocess | that 'integrates this 'union perspective 'look 'like? || (оживленность, эмоциональность)

What 'may then 'mean to 'dance with one's 'shadow? || (уточнение, предвкушение)

What 'avenue do 'they 'have? || (незаконченность, предвкушение)

+/- High Pre-Head + (Stepping Head + Fall-Rise) +/- Tail

So 'how do we >measure this er | >pressure er | >change and 'er | 'blood /interval | when a heart 'actively relaxes | and blood 'enters the 'left ven'tricle 'chamber || (уточнение, оживленность)

В шестой интонационной модели используется нисходящая шкала с восходяще-нисходящим терминальным тоном (Rise-Fall), придающая высказыванию незаинтересованность, нежелание быть вовлеченным в происходящее, отказ от ответственности, оттенок сомнения, враждебности, осуждения. В случае, когда используется терминальный тон (Rise+Fall) речь звучит уверенно, серьезно, правдиво и одновременно более дружелюбно.

+/-Low Pre-Head + (Stepping Head + Rise-Fall)+/-Tail

The cat responds: || "That de'pends on 'where you are ^going?" || (незаинтересованность, отказ от ответственности)

+/-Low Pre-Head + (Stepping Head + Rise+Fall)+/-Tail

How 'earlier school /start times | affect 'sleep and cog'nition in 'children ages /seven to /ten ? || (серьезность, правдивость, дружелюбие)

В седьмой интонационной модели используется эмфатическая интонационная шкала — нисходящая шкала с нарушенной постепенностью со специальным подъемом (Broken Descending Sliding Head, Accidental/Special Rise), завершаемая низким нисходящим терминальным тоном (Low Fall). Говорящий применяет скользящую шкалу в оживленной речи для эмфатического выделения всей синтагмы, выражая при этом заинтересованность, поощрение, некоторую повседневность, шутливость [8, с. 8]. Скользящая шкала нередко используется оратором при отношении высказывания к прошедшему времени или предыдущему участку речи. Специальный подъем используется для интенсификации лексического значения слова, на которое он указывает.

+/-Low/High Pre-Head + (Broken Descending Sliding Head + Low Fall) +/-Tail

And I have a question for everybody here ||

^How many of you ex^pected me to ^say e^xactly what I did ? ||

Восьмая интонационная модель, завершаемая высоким восходящим тоном (High Rise) является гендерным признаком женского разговорного стиля (зд. оратор женщина) [5, с. 94]. Высокий восходящий тон используется в нарративах с высокой семантической сложностью, где говорящему необходимо знать, понимает ли его аудитория (академический дискурс, обучающая презентация).

+/- High Pre-Head + (Stepping Head + High Rise)+/- Tail

So 'which of 'these should be in 'operation to 'benefit? ||

Вопросительные конструкции в форме общих вопросов представлены 4 интонационными моделями разной эмоциональной окраски, из которых первые 2 являются наиболее частотными, а 2 и 3 являются наиболее эффективными с точки зрения восприятия.

Первая интонационная модель оформляется низким нисходящим терминальным тоном (Low Fall) и содержит высказывания с децентрализованным эмфатическим ударением (скрытая эмоциональная вовлеченность оратора при демонстративной сдержанности, невозмутимости, уравновешенности и холодности).

Do the 'rich have a res'ponsibility as the rich? || (уравновешенность)

'Does the /wealth | the 'rich possessed | en'hansly \burdens them | with some 'kind of res'ponsibility to the 'rest of the community? || (скрытая эмоциональная вовлеченность, демонстративная сдержанность)

Во второй интонационной модели используется нисходящая шкала, завершаемая низким восходящим тоном (Low Rise), придающая высказыванию незаконченность, увещевание, назидание, настороженность.

+/- Low Pre-Head + (Stepping Head + Low Rise) +/- Tail

But before we do that lets think a little bit about who should benefit from the operations of your company ||

> First | 'should your customers er 'benefit? || (незаконченность, назидание)

Should 'we cre'ate a 'quality >product that er | at 'reasonable 'price that 'meets the 'needs and de,sires of your 'customers? || (побуждение, назидание)

Третья интонационная модель, завершаемая высоким падением (High Fall), придает высказыванию оттенок большой неуверенности, озабоченности, сомнения, удивления, недоумения, неохотного признания чего-либо правильным, и, во втором примере, скептицизм, самодовольство, незаинтересованность.

+/-High Pre-Head + (Stepping Head + High Fall) +/- Tail

And in then the last one is self applicacy ||

Do I 'actually 'think I could \do | what they 'want me to \do? || (неуверенность, озабоченность, сомнение, удивление)

+/-High Pre-Head + High Fall +/- Tail

Nanoparticle re-crystallization || Now we know how it is. ||

'Who really \cares? || (скептицизм, самодовольство, незаинтересованность)

So now we know these crystals are tiny ||

What \happens? || (скептицизм, незаинтересованность)

В четвертой интонационной модели, используется эмфатическая нисходящая шкала с нарушенной постепенностью (Sliding Head), используемой оратором для придания речи спонтанности, оживленности, эмоциональности, в попытке вдохновить аудиторию на размышление в ненавязчивой форме, завершаемая средним ровным терминальным тоном (Low Fall), имеющим значение сомнения, незаконченности и отстраненности.

+/-Low/High Pre-Head + (Sliding Head + Mid Level Tone) +/-Tail

Does ^having that ^power that ^money im^plies res>ponsibility? ||

Общий вступительный вопрос используется в презентациях дидактического типа в качестве опоры, подсказки и инсинуации, имитируя или предвкушая мыслительный процесс, который должен возникать у слушающего, вследствие восприятия выступления оратора. При этом, мыслительные процессы оратора и аудитории синхронизируются, позволяя слушающим полностью осознавать то, что говорит выступающий, вызывая сходные с оратором чувства или, так называемое, «интеллектуальное сопереживание» [2, с. 78].

Интонационному и прагматическому аспекту инверсивных разделительных конструкций до сих пор не уделялось должного внимания. В исследованиях традиционных разделительных конструкций (Богуславская О. В., 2006; Давыдов М. В., Малюга Е. Н., 2002; Малюга Е. Н., 2017; Скрипак И. А., 2013) отмечается просодическая вариативность всех компонентов интонации на всех участках акцентно-мелодического контура фраз. Подчеркивается факт, что при потенциальной многозначности разделительного

вопроса, именно интонация нередко дифференцирует его коммуникативную направленность [1, с. 5]. Разделительный вопрос представляет собой комбинацию повествовательного предложения и краткого вопроса. В первой части комплекса говорящий высказывает какую-то мысль, а во второй спрашивает мнение собеседника относительно высказанного. Интонация второй части указывает на отношение самого говорящего к высказанной им мысли. Исследователи отмечают, что, если говорящий абсолютно уверен в правоте своих слов, тэг оформляется нисходящим тоном, если же говорящий испытывает сомнения относительно справедливости своего утверждения, тэг оформляется восходящим тоном [1, с. 10]. Наиболее типичными вариантом интонационного оформления основы, представляющей собой собственно повествовательное высказывание, являются контуры с нисходящими тонами. Если оратор хочет избежать подчеркнутой категоричности утверждения, используются контуры с восходящими тонами. Случай, когда обе части разделительного вопроса оформляются контурами с восходящими тонами, вторая часть (краткий вопрос), рассматривается в интонационном плане как продолжение восходящего тона [6, с. 127]. Когда части разделительного вопроса отделены довольно продолжительной паузой и не зависят друг от друга в интонационном плане, их оформление как единого высказывания находится под вопросом [4, с. 63]. Реализуя фатическую функцию, разделительные вопросы обслуживают стратегии привлечения внимания собеседника, подготовки к сообщению информации, осуществления проверки понимания сообщения слушателем [1, с. 12].

Инверсивные вопросительные разделительные конструкции (Inverse Disjunctive/Tag Questions) в исследуемом материале представлены тремя конструкциями, используемыми оратором с целью обеспечить нужную вербальную или невербальную реакцию адресата путем воздействия на его эмоционально-волевую сферу сознания. Используя инверсивный разделительный вопрос, говорящий реализует максимум такта, выражая свое мнение в некатегоричной форме, признавая вероятность наличия у собеседника другого мнения, что способствует созданию благоприятного, положительного коммуникативного эффекта.

Инверсивные конструкции образуются с помощью добавления к обычному утвердительному высказыванию краткой фразы со вспомогательным глаголом, придающей всему высказыванию сомнение («не так ли?») и отличаются от традиционных тем, что не заканчиваются, а начинаются со вспомогательного глагола. Высказывания такого типа представлены 1 интонационной моделью, завершаемой низким нисходящим терминальным тоном (Low Fall).

+/- High Pre-Head + (Stepping Head + Low Fall) +/- Tail

- Isn't it a 'really effective 'way for us to talk about? ||

- Isn't it in'creasingly 'difficult for 'children taking ,outer 'lessons | to 'go to 'sleep and 'wake up 'early? ||

В приведенном выше примере, краткая разделительная часть является отрицательной. Данный разделительный вопрос образуется с помощью вспомогательного глагола “to be” в форме “is”, использованного в начале высказывания с отрицательной частицей “not”, и местоимения “it”, которое заменяет подлежащее “way”.

Обобщая изложенное, можно сделать следующие выводы:

Выстраивание процесса диалога в коммуникации является одной из частых стратегий убеждения, овладение которой является важным компонентом профессиональной деятельности лиц, для которых речевое общение входит в сферу профессиональной компетенции.

Вступительный и инверсивный разделительный вопрос, наряду с восклицаниями и иными вопросительными конструкциями и комплексами используются в академической презентационной речи с целью увеличения удельного веса диалога в коммуникации и реализации тактики вовлечения адресата в рассуждение.

В презентационной речи вопрос-обращение, и вопросительные разделительные конструкции являются важнейшим инструментом достижения стратегических целей коммуникации, что актуализирует выделение данных конструкций в отдельную группу для интонационного исследования.

Интонация вопросов — обращений различается в зависимости от того, является ли вопрос первичной интеррогативной конструкцией или переспросом.

В исследуемом материале вступительные вопросы представлены специальным и общим типом вопросов.

Вступительные вопросительные конструкции в форме специальных вопросов относятся ко всему выступлению в целом, его главной идее и глобальной проблематике и способствуют установлению истины и справедливости, определяя общий тон и настроение выступления. Специальные вступительные вопросы представлены 8 интонационными моделями разной эмоциональной окраски, из которых первые 3 являются наиболее частотными, а 3, 7 и 8 используются наиболее опытными ораторами.

Вопросительные конструкции в форме общих вопросов используются в выступлениях в качестве опоры, подсказки и инсинуации для слушателей, имитируя или предвкушая мыслительный процесс адресата. Вопросительные конструкции в форме общих вопросов представлены 4 интонационными моделями разной эмоциональной окраски, из которых первые 2 являются наиболее частотными, а 2 и 3 являются наиболее эффективными с точки зрения восприятия.

Инверсивные вопросительные разделительные конструкции (Inverse Disjunctive/Tag Questions) в исследуемом материале оформлены одной интонационной моделью, завершаемой низким нисходящим терминальным тоном (Low Fall), которая реализует максимум такта, выражая мнение оратора в некатегоричной форме и способствуя созданию благоприятного, положительного коммуникативного эффекта. Инверсивные конструкции отличаются от традиционных, тем, что не заканчиваются, а начинаются со вспомогательного глагола.

Целью использования вступительного и инверсивного разделительного вопросов в академической презентационной речи является получение подтверждения мысли или какой-либо информации сообщаемой оратором, когда говорящий знает ответ, но желает инициировать диалог со слушателями и активизировать их внимание и интерес к рассматриваемой проблеме. Следовательно, инверсивные разделительные конструкции в академическом монологическом дискурсе, также как и вступительный вопрос-обращение, являются риторическими.

Библиографический список

1. *Богуславская О. В.* Интонационные особенности английских разделительных вопросов в диалогической речи : (на материале разговорного и делового стилей в британском варианте английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2006. 20 с.
2. *Введенская Л. А.* Особенности взаимодействия оратора и его аудитории // Ораторское искусство : Установление контакта с аудиторией. URL: <https://vseorechi.ru/ritorika/orator/orator-i-ego-auditoriya.html> (дата обращения: 25.12.2018).
3. *Голованова Д. В., Михайлова Е. Н.* Русский язык и культура речи. Краткий курс : учебное пособие. М. : Норма, 2008. 144 с.
4. *Давыдов М. В., Малюга Е. Н.* Интонация коммуникативных типов предложений в английском языке. М. : Дело и Сервис, 2002. 224 с.
5. *Егорова О. А.* Семантика восходящего тона в австралийском варианте английского языка // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2007. № 3. С. 94—97.
6. *Малюга Е. Н., Орлова С. Н.* Эффективное формирование интонационных навыков у студентов-нелингвистов // Вестник Российского университета дружбы народов. 2017. № 2. С. 125—129.
7. *Михальская А. К.* Основы риторики. М. : Просвещение, 1996. 416 с.
8. *Фунтова И. Л.* Случаи употребления и значения интонационных шкал эмфатической речи современного британского варианта английского языка (в сопоставлении с русским языком) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. № 2. С. 94—104.
9. *Цымбал А. Ю.* Интонационно-стилистические и коммуникативно-прагматические характеристики устных презентаций : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2015. 220 с.

ББК 81.432.1-324

Е. А. Шилова**ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ТУРИЗМА**

Формирование терминологического аппарата предметной области «туризм» отражает исторические этапы развития самого туризма как отдельного вида профессиональной деятельности. В статье рассматриваются вопросы словообразования англоязычной туристической терминологии. Диахронический подход позволяет специфицировать наиболее продуктивные способы терминообразования, характерные для определенных периодов развития терминосистемы.

Ключевые слова: язык для специальных целей, LSP туризма, терминологический аппарат предметной области, синтаксический способ словообразования, терминологизация, словообразовательная модель, аффиксация, терминологическое словосочетание.

Formation of the terminology of tourism domain reflects the development of tourism as a separate type of professional activity. The article deals with questions of word-building of English tourism terminology. The diachronic approach allows to specify most productive ways of term formation characteristic of certain periods of the given terminology system development.

Key words: Language for Special Purposes (LSP), LSP of tourism, domain terminology, syntactical way of derivation, terminologization, derivation model, affixation, terminological word combination.

Профессиональный контекст, в котором используется язык туризма, до самого недавнего времени не получал четкого определения. Этот факт повлиял на то, что язык, обслуживающий предметную область «туризм», был достаточно поздно признан языком для специальных целей. Примечательно, что и статус туристики как отдельной области академических исследований был установлен лишь в 70-х годах XX века. И до сих пор еще нередки горячие дискуссии о названии науки о туризме — туризоведение, туризмология, турология, турография, туризмография и др. Отметим, что многие названия далеки от научности, если не сказать, нелепы (например, туропедия, туризмометрия). Несмотря на это, на современном этапе существование профессионального языка туризма как особого LSP, отличного от всех остальных, общепризнано, чему имеется ряд убедительных экономических, лингвистических и даже педагогических доказательств.

Туристическая деятельность осуществляется главным образом посредством коммуникации, основными участниками которой являются провайдер и потребитель туристических услуг, а переводчик выступает своеобразным посредником между ними в тех случаях, когда это становится необходимым. Профессиональный язык туризма — проблема для непосвященных. Это объясняется не только спецификой вокабуляра, изобилующего специальной терминологией, аббревиатурами, профессиональными жаргонизмами, но и сложностью формальных структур, создаваемых в таких профессиональных жанрах как договор, туристический ваучер, бронь, претензия клиента, туристический страховой полис, путеводитель и т. д. [4, р. 133]. Таким образом, язык может, с одной стороны, гарантировать эффективную коммуникацию, а с другой — препятствовать адекватному восприятию специализированного дискурса.

Терминологический аппарат предметной области «туризм» в английском языке стремится к законченности своего формирования, однако все еще нуждается в инвентаризации. Формирование англоязычной терминологии туризма отражает исторические стадии развития самого туризма как отдельного вида профессиональной деятельности человека.

В последнее десятилетие терминология туризма (в том числе англоязычная) стала объектом лингвистических исследований целого ряда российских ученых, сфокусировавших свое внимание на различных аспектах проблемы (см., напр.: [1, 2, 3 и др.]).

Первые туристические термины, включая названия отдельных видов туризма (например, спортивного или оздоровительного), появились еще во времена античности, когда путешествовали в основном элита, чиновники и состоятельные люди, имевшие официальные возможности и личные средства для временных выездов в профессиональных, оздоровительных, познавательных и религиозных целях. Термины того периода имеют в основном древнегреческое или латинское происхождение (*balneological tourism, hydrotherapy, spa, thermal spring, sport tourism*), а наиболее продуктивным способом терминообразования выступала терминологизация общеупотребительной лексики.

Средние века — золотая пора паломничества, миссионерства и время крестовых походов, стимулировавших впоследствии многочисленные географические открытия. Именно в средние века закладываются основные элементы инфраструктуры туризма — дороги, постоялые дворы, таверны, создаются специальные братства проводников и переводчиков. В средневековом городе оформляются традиции карнавалов, праздников и фестивалей. В наследство нам остались термины греческого и латинского (*pilgrimage,*

feast, itinerary, tavern, route, interpreter, festival, carnival, hotel, hostel, hospital), а также древнеанглийского происхождения (*seafarer, inn*). В то время как терминологизация сохраняет лидирующие позиции, вторым по продуктивности способом терминообразования становится аффиксация (*hiker*).

Эпоху Ренессанса можно считать началом формирования международного экономического пространства, что стало одной из важнейших предпосылок развития индустрии туризма. Китайские, арабские и тюркские заимствования в английскую туристическую терминологию того времени свидетельствуют о расширении международных контактов (*tea, coffee, caravan, tare, lemon, tariff*). Термины данного этапа развития можно разделить на группы, основываясь на семантическом критерии: транспорт (*coach, stage, traffic*), картография (*atlas, map, globe, compass*) и т. д.

Многочисленные научные открытия и достижения XVIII века, в частности в сфере транспортного обеспечения, сделали путешествия гораздо более доступными. Появились новые разновидности туризма и соответственно термины для их обозначения (*domestic tourism, incoming tourism*). Благодаря сильному влиянию Франции во многих сферах деятельности французские заимствования значительно пополнили искомую терминосистему (*restaurant, menu, café au lait, lemonade*). Наряду с терминологизацией нарастает темпы синтаксический способ терминообразования.

В XIX веке туризм становится массовым (*mass tourism*). В 1841 году английский предприниматель Томас Кук основал туристическое агентство и организовал первые экскурсии. Именно с этого времени, как полагают исследователи, туризм можно рассматривать как вид профессиональной деятельности. Более комфортабельные и быстрые транспортные средства (*steamship, steam locomotive, railway, automobile*) способствовали значительному росту числа потребителей туристических услуг, а также возникновению новых видов туризма (*cruise tourism, business tourism*). В этот период оформляются новые тематические группы терминов: еда и напитки (*ice cream, fruit aerated water*), учреждения питания (*café, cafeteria, trattoria, bistro*). Наиболее продуктивным является синтаксический способ терминообразования (*ice cream parlor, dining car, grill room*).

В XX веке международный массовый туризм стал развиваться чрезвычайно быстрыми темпами. В целях содействия развитию устойчивого и общедоступного туризма и упорядочения туристской деятельности были учреждены различные международные организации (*World Tourism Organization, Universal Federation of Travel Agents Associations, International Airlines Travel Agents Network*). В 1950-е корпус новых специальных лексических единиц в предметной области «туризм» возрос колоссально. Например, появление новых средств размещения туристов повлекло за собой необходимость наименования новых понятий. Так появились термины *motel, youth hostel, boatel, aparthotel, water bungalow, holiday village, cabana, chalet, fare, chain hotels, guest house, Jacuzzi villa, honeymoon suite*.

Это время также отмечено введением в употребление большого числа многокомпонентных терминологических словосочетаний (*car rent firm, visa expiry date, currently valid schedule of transport*) и аббревиатур (*WTO, HB DLX, DBL, SGL, FB+, EXTFB, B&B*).

Многочисленные заимствования из французского (*force majeure, maitre d'hôtel, abolition, route*), немецкого (*Baedeker, marzipan, vermouth*), шведского (*smorgasbord*), испанского (*hacienda, siesta, jamón, lime*), итальянского

(*autostrada*) вошли в словарный состав, обслуживающий предметную область. Ярко проявляется одна из основных тенденций развития LSP — интернационализация, которая становится одним из источников пополнения англоязычной терминологии туризма.

Структурный анализ современной англоязычной туристической терминологии показывает, что она представлена простыми, производными и сложными терминами, терминологическими словосочетаниями с разным количеством компонентов, аббревиатурами.

Простые и сложные термины принадлежат к категории имен существительных, поскольку обозначают основные понятия предметной области. Прототипическая структура сложных терминов состоит из двух корневых терминологических элементов. Наиболее продуктивными традиционно считаются следующие структурные модели: N+N (*campground, sightseeing, hitch-hiking, railroad, air-hostess, doorman*), Adj+N (*redcap, freehiking, half-board*), N+prep+N (*back-to-back*), N+prep (*check-out, check-in, fill-in, kick-in*), Adv+N (*downsizing, upgrading*).

Образование терминологических словосочетаний является в настоящее время ведущим способом формирования английской туристической терминологической системы. Многокомпонентные терминологические словосочетания количественно превосходят термины-слова. Они разнородны по составу, однако двухкомпонентные беспредложные терминологические словосочетания, построенные на основе моделей N+N (*adventure tour, baggage car, departure board, budget tourism, business tourism, accommodation ladder, flight attendant*) и Adj+N (*voluntary insurance, advertizing agent, religious tourism, continental breakfast, additional payment*) являются наиболее распространенными. Трех- и четырехкомпонентные терминологические словосочетания не столь многочисленны (*tourism information centre, youth travel organizations, average daily rate, digital in-room safe suite*).

Итак, терминология предметной области «туризм» представляет собой сложную систему, которой свойственна подвижность словарного состава, отражающего сущность явлений и процессов посредством новых терминов. Испытывая на себе влияние как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, англоязычная туристическая терминология в настоящее время приближается к финальной стадии своего развития.

Библиографический список

1. Белан Э. Т. Особенности формирования новых терминосистем : (на материале английской и русской терминологий международного туризма) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 194 с.
2. Виноградова Л. В. Терминология туризма английского и русского языков в синхронном и диахронном аспектах : дис. ... канд. филол. наук. В. Новгород, 2011. 213 с.
3. Даниленко О. В. Становление и развитие английской туристской терминологии и их экстралингвистической обусловленности : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2011. 261 с.
4. Speckens M. P. Teaching Terminology for the Tourism Industry: ICT Applications // *New Approaches to Specialized English Lexicology and Lexicography* / ed. by I. Balteiro. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2011. P. 131—150.

Сведения об авторах

ГРИГОРЬЕВА кандидат филологических наук,
Екатерина Михайловна доцент кафедры английской филологии,
Ивановский государственный университет.
grigoryeva.ekaterina@mail.ru

ГРИГОРЯН кандидат филологических наук,
Алла Юрьевна доцент кафедры иностранных языков,
Ивановский государственный
энергетический университет.
aroug@yandex.ru

ГРИГОРЯН доктор филологических наук,
Ашот Арамович профессор кафедры английской филологии,
Ивановский государственный университет.
yerkat@yandex.ru

КВАШНИНА магистрант 1 курса
Дарья Сергеевна филологического факультета,
Ивановский государственный университет.
dashka.kwashka@yandex.ru

КИСЕЛЕВА кандидат филологических наук,
Ирина Станиславовна доцент кафедры зарубежной литературы,
Ивановский государственный университет.
lana.dollskaya@yandex.ru

КОКУРИНА кандидат филологических наук, доцент кафедры
Инна Владимировна германской и романской филологии,
Ивановский государственный университет.
Inna-kokurina@mail.ru

МАНИК кандидат филологических наук,
Светлана Андреевна доцент кафедры английской филологии,
Ивановский государственный университет.
Svetlana_manik@yahoo.com

МИЛОВСКАЯ доктор филологических наук, заведующая
Наталья Дмитриевна кафедрой германской и романской филологии,
Ивановский государственный университет.
miluafdm@yandex.ru

ПОЛЯКОВА кандидат филологических наук,
Елена Александровна доцент кафедры английской филологии,
Ивановский государственный университет.
kargova_elen@mail.ru

СУВОРОВА кандидат филологических наук, доцент кафедры
Наталья Владимировна русского языка и методики преподавания,
Ивановский государственный университет.
suvogova-n@mail.ru

ТРОФИМЕНКО старший преподаватель
Татьяна Михайловна кафедры германской и романской филологии,
Ивановский государственный университет.
troftatyana@yandex.ru

ФИЛАТОВА кандидат филологических наук,
Елена Анатольевна доцент кафедры английской филологии,
Ивановский государственный университет.
pchela2002@list.ru

УЖОВА доктор филологических наук,
Ольга Александровна профессор кафедры английской филологии,
Ивановский государственный университет.
gluhovar@mail.ru

ХОРЕЦКАЯ кандидат филологических наук, доцент кафедры
Наталья Юрьевна германской и романской филологии,
Ивановский государственный университет.
nataliasch@mail.ru

ЦЫМБАЛ кандидат филологических наук,
Анастасия Юрьевна доцент кафедры английского языка,
Ивановский государственный университет.
426878@mail.ru

ШИЛОВА кандидат филологических наук,
Екатерина Анатольевна доцент кафедры английской филологии,
Ивановский государственный университет.
kshaposhnikova@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ «ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде в формате RTF с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, редактирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.